

Сергей Ежов

12+

*Пушинка в урагане
Наш человек на троне*

Сергей Ежов

Пушинка в урагане

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ежов С. Ю.

Пушинка в урагане / С. Ю. Ежов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96823-3

Старый учитель музыки из нашего времени попадает в тело Великого Князя Петра Николаевича, за час до покушения на Александра II, 1 марта 1881 года. Покушение предотвращено и история России пошла по другому пути. Не будет в нашей истории императоров Александра III и Николая II, не будет Цусимы, не будет Первой Мировой войны, не будет и Октябрьской революции. Будут другие войны и революции, в том числе и научно-техническая.

ISBN 978-5-532-96823-3

© Ежов С. Ю., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Ежов

Пушинка в урагане

Часть I

Прививка

Я стар... Я очень стар. Я суперстар! Шучу. Теперь я часто шучу: молодость, а юность в особенности, вообще чертовски весёлая пора, и уж тем более, юность, доставшаяся мне. Судите сами: я молод, здоров, у меня и людей моего нынешнего круга нет финансовых проблем, нам вообще непонятно слово «дорого». Для нас не слишком дорого даже то, что неподъёмно многим государствам! Впрочем, вместо долгих объяснений назову мой нынешний титул: Великий князь. Великий князь Петр Николаевич. Внук Николая I, сын Николая Николаевича-старшего, брат Николая Николаевича-младшего.

Для меня всё началось в другом мире, весной 2020-го года, когда я, старый косорукий чёрт, решил отремонтировать греющуюся электророзетку. Ну и конечно, меня долбануло током, а много ли надо дедушке семидесяти трёх лет от роду? Вот-вот, двухсот двадцати вольт при пятидесяти герц хватило с избытком. Что я чувствовал? Да ничего особенного: вслед за спазмом от электрического разряда, с каким-то нутряным хрустом остановилось сердце, мгновенно лишились сил все члены, и я безвольной куклой завалился на крашенный коричневой краской пол. Сознание не покинуло меня чуть ли не полминуты, и я успел увидеть, как от заискрившей розетки стали расползаться по стене чёрные языки, которые моментально вспыхнули. Деревянные стены, высушенные за десятки лет, захрустели пожираемые огнём... Жалко дом. Я возводил его своими руками, ну, кроме электрической проводки и кирпичного крыльца, а так от фундамента и кровли до оклейки обоев – всё сам. Ну, разве что на помощь кого-то нанимал, но потом от результата работы этих косоруких помощников долго плевался. Уж лучше просить о помощи своих же учеников: эти хоть слушают, когда им говоришь.

А потом сознание погасло.

Очнулся я совсем в другом месте: вместо простецкой крашеной сосны, моей щеки касался вощёный наборный паркет из ценных пород дерева. Глядя в упор, я видел, что плитки паркета подогнаны идеально, без малейших зазоров. Перевёл взгляд на стену: тоже не моя. У меня дешёвые бумажные обои, а тут ткань. Уж не шёлк ли? Может быть. При таком паркете и шёлк на стенах вполне уместен.

Паники нет: я просто не понял, что произошло, впрочем, и времени прошло всего ничего, к тому же, пугаюсь я не сразу, а так сказать, «с замедлением». Попытался встать, но не тут-то было: руки оказались какими-то невероятно длинными, а ноги и того длиннее. Первая попытка закончилась вполне закономерно и больно, хорошо хоть успел повернуть голову, и брякнуться на паркет не носом, а ухом. Ладно. Повозился, опираясь руками на пол, а боком на шкаф, сел, и стал осматривать себя. Чёрт-те что творится! А тело-то не моё! Видны ноги, обутые в изящные коричневые туфли. У меня за всю жизнь не было такой дорогой обуви! Из туфель торчали носки. Очень длинные. Выше наличествовали серые в узкую полоску брюки. Или-таки не брюки? Где у этих штанов ширинка? Застёжки ни на молнии, ни пуговичной, на положенном месте не имелось. Потянул брючину вверх, и обнаружил, что носки не имеют резинок, а вместо неё имеется прехитрая система: под коленом застёгнута подвязка, и уже от неё тянутся ленточки с застёжками к носкам.

На этом я временно прекратил осмотр, и сделал новую попытку встать. Неудачно. В тот момент, когда я уже почти утвердился на ногах, внутри меня, не в голове, а именно внутри, в потрохах что ли(?) раздался панический возглас: «Что со мной происходит???»

Ноги обмякли, почти как при давешнем ударе током, и я опять оказался на полу. Хм... а ведь имеется положительная динамика! На этот раз руки сработали как надо, и мой нос избежал встречи с полом. И затеялся более чем странный разговор, когда тело валяется неподвижно, разве что слегка подёргиваются кисти рук и ступни. А вот рот крепко захлопнут: это я сумел взять тело под контроль, и не дал возможности прежнему хозяину организма поднять шум: сами понимаете, я в дурдом не спешу. Но диалог, тем не менее, получился весьма эмоциональный:

– Кто вы? Сатана или его слугитель?

– Человек я. Только почему-то моё сознание попало в вас. Давайте спокойно обсудим нашу ситуацию, успокойтесь, ладно?

Но человека во время нервного срыва так легко не остановишь. Минут пять беспросветной истерики, и наконец, более-менее внятный крик:

– Я понял, я знаю! Вы явились забрать мою бессмертную душу!

– Опа-на! А зачем она мне, да и за что?

– За мою вторую попытку наложить на себя руки.

Ага! Начал соображать, включает аргументацию. Что же, поможем человеку:

– Уважаемый, не знаю, как вас зовут! Самоубийцы в любом случае попадают в ад, так что нет смысла самому сатане лично являться к вам. Вы и так всё сделали бы, не так ли?

Молчание. Нравится мне этот человек! Получил информацию, и теперь обдумывает, а не несёт панической чуши.

– Прочтите святую молитву! – требует визави после минутного молчания – Я хочу удостовериться, что вы не от нечистого.

– Да я всего две молитвы и знаю. «Отче наш» и «Символ веры». Какую читать?

– Символ веры!

– Верую...

Мой собеседник внимательно вслушивается, не искажаю ли я слова молитвы, а я осматриваюсь кругом. Стол, стулья, застекленные книжные шкафы... Какая ерунда эти шкафы! Мои руки!!! Никаких старческих морщин, никаких пигментных пятен, ухоженные ногти на длинных пальцах... Поворачиваю руки ладонями вверх... У меня никогда не было таких мягких ладоней: всегда приходилось работать руками, потому и не сложилась карьера музыканта, а наоборот, случилась работа учителя музыки в сельской школе.

– Какая музыка в сельской школе? О чём это Вы?

Оказывается, я одновременно читал молитву, и думал о своём, но думал «громко», так что собеседник слышал.

–Разрешите представиться: Пётр Николаевич Булгаков, пенсионер, а до недавнего времени учитель музыки и нескольких других предметов в Верхне-Ольшанской школе Пристенского района Курской области.

– Позвольте! Какой такой области? Есть Курская губерния.

– Есть губерния. Сейчас. А область – будет.

– Так вы... Из будущего?

– И, возможно, весьма отдалённого. Сейчас какой год? Назовите точную дату.

– Первое марта одна тысяча восемьсот восемьдесят первого года.

– Вот это фокус! Сегодня в тринадцать сорок пять террористами убит император Александр II!

Дату и время помню случайно: почему-то запомнился параграф из учебника, да к тому же, недавно пересматривал фильм о Софье Перовской. Люблю, знаете ли, иногда смотреть классические фильмы разных времён и разных жанров.

– Тринадцать сорок пять это что? – требовательно уточняет внутренний голос.

– Без пятнадцати минут два часа пополудни, если по-старому.

Голова моя резко дёргается, и в поле зрения попадают большие напольные часы. На циферблате двенадцать пятьдесят.

– Скорее! Мы ещё успеем предотвратить злодейство!

– Ну, давай попробуем. А где мы находимся?

– В Николаевском дворце. Где же готовится царевубийство?

– Значит мы в Ленинграде?

– Нет, мы в Санкт-Петербурге.

– Извините, именно это я и имел в виду. Просто город будет переименован.

– Чудеса! Где же готовится царевубийство?

– Террористы устроили засаду на канале Грибоедова.

– Таковой мне неизвестен.

– Раньше он назывался Екатерининским каналом.

– Скорее! Вперёд!

Ну что же, поднимаюсь, направляюсь в двери. Уже выходя, вижу на полу возле книжного шкафа здоровенный револьвер.

– Да, я уже упоминал, что собирался свести счёты с жизнью, но в последний момент лишился чувств. Далее вам всё известно. – сухо прокомментировал увиденное хозяин тела.

Коридоры во дворце весьма широкие, но я то и дело касался плечами то правой стены, то левой, и вовсе не потому, что новый я такой большой, а потому что очень уж крепко меня штормило. По дороге попадались какие-то люди, звучали встревоженные голоса, кто-то окликал, но я просто пёр вперёд: моя цель важнее. Внизу я двинулся, было, куда-то во двор, к каретным сараям, как услужливо подсказало мне сознание, но тут же повернул на улицу – там ехал извозчик.

– Стойте! – завопил я в спину уже проехавшим саням.

Мужчина в шубе, сидящий в санях, оглянулся, и, увидев меня, изумлённо открыл рот. Повернулся к извозчику, что-то сказал, сани остановились, и я в одно мгновение догнал их и запрыгнул на место рядом с пассажиром.

– Ваше высочество, Пётр Николаевич! – забормотал пассажир – Что происходит, почему Вы не одеты, почему такая спешка?

– Готовится страшное злодейство. Царевубийство. Мы обязаны его предотвратить.

– Как? Что?

– Голубчик – крикнул я извозчику – стрелой мчись на Екатерининский канал, угол Мойки. Знаешь ли, где это?

– Как не знать, барин! А на какой берег-то? Токмо боюсь, кобылка моя не сдюжит.

– К Михайловскому парку, любезный! И гони изо всех сил! Если успеем, я тебе рысака подарю!

– А как же барин, что до вас сел?

– Гони, извозчик, гони куда сказано! – закричал пассажир в шубе, и мы полетели.

Хотя полетели очень относительно. Лошадка у извозчика была мелкая, тощая и весьма заморённая, поэтому бежала она не шибко споро, но всё равно побыстрее, чем бежал бы я своими ногами. Да и не пробежать мне столько, чего уж там.

– Пётр Николаевич, ваше высочество! – забормотал господин в шубе – Вы простудитесь! Позвольте укрыть вас моей шубой!

Морозец небольшой, градуса три-пять, но проклятая питерская сырость! До места я, без сомнения, доеду, но однозначно простужусь, а без нормальных лекарств, скорее всего, потом откину ласты.

Я оглянулся на попутчика. Шуба у него большая, возможно и хватит закутаться двоим.

– Благодарю вас за великодушное предложение... Простите, не знаю, как вас величать.

– Профессор Меншуткин, Николай Александрович. Служу в физико-математическом факультете Санкт-Петербургского императорского университета – отрекомендовался он, торопливо расстёгивая крючки на шубе. Попытку совсем снять её с себя я пресек, и мы, тесно прижавшись друг к другу, укутались в профессорскую шубу.

– Шуба, признаться не моя – зачем-то стал объяснять профессор – На мою шубу служитель...

– От неловкости служителя выиграл я – прервал я мучения профессора – В Вашу шубу мы вдвоём бы не поместились. Вы уж, уважаемый профессор, пожалуйста, поощрите служителя от моего имени. И прошу Вас, Николай Александрович, разрешите позже заглянуть к вам с визитом, связанным с вашей учёной деятельностью?

Профессор торопливо закивал.

Вдоль Мойки мы пролетели одним духом, но после поворота на Невский проспект, лошадь начала спотыкаться, а когда, наконец, добежала до Казанского моста, то вовсе упала на передние колена. Я выскочил из саней. Сунул руку в карман... чёрт, кошелек нет. Однако, есть нечто более ценное: часы. Торопливо сунул часы обомлевшему извозчику и бросился вдоль канала, скользя гладкими кожаными подошвами по растоптанному ногами и копытами снегу. Дыхание сбилось – хреново тренируют нынешних аристократов! Впрочем, школьники и студенты моего времени, в массе своей, тренированы много хуже.

У Итальянского мостика увидел впереди белый клуб дыма, а мгновение спустя, услышал грохот взрыва и звон осыпающегося стекла. Чёрт! Не успеваю! Однако, прибавил ходу. Холодный воздух рашпилем скребёт бронхи, боль спускается ниже... Быть острейшему бронхиту или даже воспалению лёгких, стопудово быть!

Впереди крики, суeta. Вижу, совсем как в фильме про Софью Перовскую, в мою сторону идёт царь. Вот взгляд царя, совсем как в фильме, останавливается на высоком человеке, медленно перемещающем из-за спины вперёд свёрток... Между нами десять шагов... пять... три... шаг... Парень уже размахивается, и тут я выхватываю из рук террориста бомбу, и кидаю её за ограду канала.

Взрыв.

Темнота.

– Они очнулись!

Шёпот такой громкости способен, без преувеличения, разбудить полк похмельных егерей. А мне он просто расколол голову.

Темнота.

– Пётр Николаевич, вам легче? – голос профессионально ласковый. Врач, и с практикой лет в тридцать. Можно даже не заглядывать в трудовую книжку.

– Легче. Доктор, почему я ничего не вижу? Я ослеп?

– Зрение у вас в порядке, по крайней мере, за правый глаз я совершенно спокоен. А вот левый глаз пострадал, но надеюсь, незначительно.

– В таком случае, когда будет снята повязка?

– Если всё будет благополучно, то завтра утром, а пока покорнейше прошу потерпеть неудобство.

– А что с моим бронхитом?

– Откуда Вы о нём знаете?

– Симптомы в наличии: клокочет в груди, явно повышенная температура, неприятные ощущения в горле и носоглотке. Что до причины одного состояния... У меня сбилось дыхание у Итальянской улицы, а бежать пришлось ещё метров двести, и бежать с ускорением... Так что вывод очевиден.

– Ничего страшного. Дня за три-четыре выздоровеете, таков мой прогноз. Да-с. А почему Вы упомянули метры, а не аршины? Кстати, примите микстуру.

На ощупь принимаю мензурку с лекарством, и, выпив его, отвечаю:

– Полагаю правильным использовать систему мер, принятую в большинстве стран Европы.

– Резонно. Гораздо серьёзнее обстоят дела с Вашей левой рукой: открытый перелом кисти.

– Странно, почему я не чувствую боль?

– Вероятно это действие морфия.

– Прошу Вас, доктор, уменьшить до минимума дозу наркотика.

– В чём дело, Пётр Николаевич? Морфий совершенно безопасен.

– Любой наркотик вызывает привыкание, переходящее в зависимость. Это я знаю доподлинно. Однако я отвлекся, что с государем? Он жив?

– Его Величество жив и вполне благополучен. Взрывной волной с него всего лишь сорвало головной убор.

– А террорист?

– Его убило обломком ограды при взрыве бомбы, которую Вы отбросили в сторону.

– Значит, не удалось перебросить в канал. Жаль.

– Несомненно, жаль.

– А я?

– А Вас ударило тем самым осколком, который прошел сквозь тело террориста. По счастью, осколок потерял силу, и значительных повреждений он Вам не нанёс.

– Простите великодушно, доктор, но как Вас именовать? Право, неловко, Вы меня знаете, а я...

– Ох, совсем я забыл приличия! Слишком уж обрадовался тому, что Вы пришли в себя... Профессор Боткин, Сергей Петрович, к Вашим услугам.

– Сам великий Боткин?

– Насколько я велик, судить не мне, но да, Боткин, Сергей Петрович, собственной персоной.

– Чрезвычайно лестно быть вашим пациентом, Сергей Петрович.

– Вы весьма любезны, Ваше императорское высочество.

– Значит, рана на моём лице не слишком серьёзна?

– Слава богу, нет. Я наложил несколько швов, но вполне вероятно образуются шрамы...

– Ничего страшного. Как известно, шрамы украшают мужчину.

– Безмерно рад, что чувство юмора Вас не покидает. Однако, Пётр Николаевич, к Вам посетители, уступаю им место. Господа – это он обращается к кому-то мне невидимому – прошу вас не затягивать визит более десяти минут. Больной вполне бодр, но боюсь, что он может легко и быстро утомиться, а это пойдёт отнюдь не на пользу его здоровью.

Мдя... У меня первые посетители. Думаю, их будет очень-очень много. А что, подвиг совершил, без дураков.

Посетителей оказалось человек десять, и все оказались родственниками, великими князьями. Приклеив себе вежливую улыбку, внимательно прислушиваюсь к голосам: у большинства в голосе слышится забота и беспокойство, а вот у двоих – у мужчины и женщины, судя по голосам, средних лет, сквозило змеиное шипение. Жаль, что я не вижу, кто это, но ничего, чуть позже выясню, кто эти люди, и постараюсь их если не нейтрализовать, то держать подальше от

себя, и под наблюдением. А тем временем визит завершается, в комнате остаюсь лишь я и не старый ещё, молчаливый мужчина.

Спустя несколько часов прибыл мой брат, великий князь Николай Николаевич-младший, в сопровождении пятерых офицеров. Все громогласные, все чересчур энергичные, все абсолютно толстокожие. Уж не знаю, как Петя ладил со своим братом, но мне он совсем не понравился. Ну да куда деваться, сработаемся. И не с такими наводили контакты в бытность мою директором школы: с сантехниками, дорожниками, а того хуже – с заезжим начальством, которое толком не знает, чего хочет.

Николай снисходительно поинтересовался моим здоровьем, произнёс небольшую речь ни о чём, и ушёл, оставив после себя запах кожи, одеколона, коньяка, и облегчение, что визит завершён.

Ночью делать нечего, скучно. За предыдущие дни выспался на годы вперёд, вот и беседую сам с собой. А что? Тело-коммуналка, это экзотично. Пётр Николаевич рассказывает мне историю своей короткой невесёлой жизни, а я рассказываю ему о своей.

Петя, мой сожитель по телу, даёт сведения о текущей истории, а я рассказываю ему о будущем. Кое-что вызывает у нас горячие споры, но тут вступает в дело мой главный калибр: возраст, опыт, образование и наработанное мастерство учителя – уж этого у меня много. Нет, я не давлю авторитетом, и даже не пытаюсь. Зачем? Петя мальчик умный, даром, что отец-самодур сломал его, и юноша, имевший огромный потенциал выдающегося руководителя, растёт робким и застенчивым. А у него ещё имеется братец, любящий подавлять под видом заботы. Мать мотает срок в монастыре, причём за дело. Гаденькая у них семейка, ну да ладно, судить я их не собираюсь, а буду лишь сосуществовать, пока сосед позволяет. Впрочем, сосед мой всё больше уходит вглубь, оставляя себе лишь справочные функции – он незамедлительно даёт справки по любому поводу, помогает правильно строить предложения, по голосам узнаёт посетителей. А в «свободное время» куда-то испаряется, да так, что я его даже не чувствую.

Однако, вскоре меня посетила мысль: вот я удачно попал в чужое тело, а дальше? Я относительно здоров, возможности мои практически не ограничены, особенно если сравнивать таковые с возможностями сельского учителя. Но что я умею? Умением играть на восьми музыкальных инструментах никого тут не удивишь, историю я, каюсь, учил как все, то есть, посредственно. Правда, неплохо помню историю Великой Отечественной войны, но до неё семьдесят лет! В последние годы убивал время игрой в танчики, на компьютере, а вот до того, было ли в моей жизни что-то полезное, применимое в этом времени? Ничего! Хотя постойте, занимался я моделированием самолётов, и даже построил несколько кордовых моделей. Радиоуправляемых моделей строить не довелось – уж в очень большом дефиците было оборудование, дальше областных Домов пионеров оно не проходило. Так что нам оставалось строить только модели попроще. Тем не менее, учили нас добротнo, давали кое-какую теорию, так что фюзеляж, крылья, оперение и элементы управления модели самолёта я рассчитывал и строил самостоятельно. Забавно, но об аэродинамике и авиастроении мне известно гораздо больше, чем всем академикам этого времени вместе взятым.

А с мотором ещё лучше: был у меня мотоцикл «Ковровец», К-175, из последней серии. Достался он мне крепко послужившим, да ещё в не очень умелых руках, так что ремонтировать приходилось много. Прекрасная была машинка! Проходимая, живучая, невероятно отзывчивая на ремонт и ласку – где бы я ни бывал, отовсюду возвращался своим ходом. Перебирать мотоцикл пришлось раз десять, это не считая вдумчивой работы с карбюратором и электрической частью. Как-то даже участвовал в перематывании статора и ротора генератора магнето, правда, участвовал на вторых ролях, типа «принеси-подай», но кое-что запомнил. А остальное ремонтировал самостоятельно: любая машина любит заботу, и мотоцикл тут вовсе не исключение.

Ну что же, придётся потрудиться. Самостоятельно мне мотоциклетного мотора не создать, авиационного тем более, но кто мне мешает нанять толковых инженеров и технологов? Мои идеи и наброски будут конвертированы в металл, останется только следить, чтобы получилось не слишком убого.

Решено! Займусь прогрессорством, раз уж так легла карта, буду продвигать в империи двигатели внутреннего сгорания, и всего, что с их помощью можно двигать.

Наутро, после лёгкого завтрака, прибывает Боткин, в компании с незнакомым мне врачом. Сначала они меня осматривают, а затем дают указания плотно задёргнуть шторы.

– Петр Николаевич, если Вы не возражаете, то мы, пожалуй, рискнём снять повязку с глаз. Вы готовы?

– Вполне. Делайте что должно, господа, а я обязуюсь выполнять все ваши врачебные указания.

– Прекрасно. Ну-с приступим.

В четыре руки повязка была снята. Я осторожно приоткрыл глаза, и несмотря на царящий сумрак отчётливо увидел двух мужчин, внимательно глядящих на меня.

– Я вас прекрасно вижу, Сергей Петрович!

Несмотря на выдержку, волнение в голосе мне скрыть не удалось. Впрочем, его и скрывать не стоило, всё-таки зрение чертовски важная штука.

– Прекрасно, Пётр Николаевич! Разрешите Вам представить лучшего специалиста Российской империи в области офтальмологии. Кабат Иван Иванович, лейб-медик Его Императорского величества.

Иван Иванович изобразил поклон, в котором отразил и своё почтение к моему титулу, и отношение к моему возрасту, и много чего ещё изобразил, да только мне на его ужимки плевать: лишь бы был он хорошим специалистом.

Последовала процедура взаимного расшаркивания, ибо время, место и социальный статус весьма требовательны к ритуалам.

– Придётся немного подождать, Ваше императорское высочество, ибо для осмотра мне нужен свет, а Вашим глазам необходимо к свету привыкнуть. Поэтому предлагаю просто побеседовать, а я тем временем понаблюдаю за реакцией Ваших глаз на изменение освещённости.

– Прошу Вас, Иван Иванович, давайте обойдёмся без чинов. Я просто Ваш пациент, а Вы мой врач. Хорошо?

Профессор польщён, улыбается.

Спустя час одна из штор на дальнем окне была приоткрыта, а потом и отодвинута полностью. Ещё через час открыты и остальные окна.

– Свет не режет вам глаза?

– Нет, я вполне привык.

– Прекрасно.

Иван Иванович дотошно исследовал мои глаза и объявил, что за зрение он вполне спокоен, однако, необходимо ещё понаблюдать, дабы исключить возможные осложнения.

На том мы и расстались. Меня вполне успокоило, что у Кабата не возникло профессионального интереса к моим глазам: это значит, что ситуация с ними более чем заурядна, и это прекрасно.

А к вечеру меня посетил сам император.

Признаться, я не испытываю большого волнения в присутствии великих мира сего. Видел я Брежнева, во время посещения им Харькова, и даже коротко с ним переговорил. Жал руку Ельцину, когда он вручал мне орден Почёта. Путина видел издали, на торжественном собрании. Так что царями меня не удивишь... Это я так храбрюсь, поскольку всё-таки волнуясь:

а ну как что-нибудь ляпну! Срочно вызвал на помощь Петю, а уж умный мальчик грамотно и красиво провёл процедуру встречи с императором и его свитой – для него это дело привычное.

Кризис наступил в конце, когда царь, отослав свитских, наклонился ко мне и тихонько спросил:

– А теперь расскажи, Петя, как ты оказался столь вовремя на месте покушения, и, к тому же, столь легко одетым?

Петя уже приготовился во всём признаваться – так уж он воспитан – что мне пришлось брать управление на себя.

– Откроюсь Вам, Ваше Императорское величество...

– Ну, полно, Петя, к чему титулования? Говори запросто, я ведь как родич пришёл тебя навестить, право слово!

– Если позволите, я начну немного издалека. Вы, Александр Николаевич, знаете мои обстоятельства, и давеча я чуть было не свёл счёты с жизнью.

– Да что ты говоришь, Петя! – император размашисто перекрестился.

– Это так. К счастью я лишился чувств, и в этот момент, с высоты птичьего полёта увидел, как на Малой Садовой расположились люди, до того вырывшие подкоп из подвала лавки, и устроившие в нём адскую машинку. Это была засада на вас, Александр Николаевич. Руководила террористами девушка, очень красивая. Узнав, что Вы избрали другой маршрут, она дала знак своим соратникам, и засада переместилась на Екатерининский канал, куда должен был повернуть ваш кортеж. Времени совсем не оставалось, и я бросился на помощь, однако едва не опоздал. По счастью мне помог профессор Университета, Меншуткин Николай Александрович. Он, не произнеся ни одного лишнего слова, пустил меня в свои сани и дал указание нанятому им извозчику ехать куда надо. На съезде с Казанского моста извозчицья лошадь пала, так что дальше пришлось бежать самому, и, к счастью, удачно. Я рад, что успел

– Я тоже безмерно этому рад! – растроганно воскликнул Александр Николаевич.

– Только я очень прошу, мой повелитель и родич, не предавать огласке, обстоятельства моего участия в предотвращении злодеяния. Полагаю, что детали, сопутствующие этому делу столь неоднозначны, что могут вызвать нежелательные толки и злословие. Поверьте, мне совсем не нужна слава юродивого.

– Очень серьёзный подход, Петя, и я его полностью одобряю. Но как же ты объяснишь своё присутствие?

– Очень просто. Проезжал мимо, стал свидетелем попытки покушения, и счёл обязанным вмешаться. Если попросить профессора подержать язык за зубами, то и слухов не возникнет.

– Резонно. Ты, Петя, как оказалось, весьма серьёзный юноша.

– Благодарю, государь.

– А что бы ты хотел получить в награду? Необычный юноша наверняка имеет необычные желания.

– Истинно так, Александр Николаевич. У меня есть две мечты. Вторая из них такова: лет через двадцать стать руководителем всей промышленности Российской империи.

– А ты весьма честолюбив. Отчего же ты не желаешь стать генералом?

Я пошевелил покалеченной рукой.

– Вряд ли я смогу полноценно нести военную службу. Да и, признаться откровенно, у меня нет склонности к оной.

– Понимаю. А какова твоя первая мечта?

– Хочу научиться летать, и даже знаю, как я это могу осуществить.

– Полёты на монгольфьере или аэростате? Нет ничего проще! Я подарю тебе баллон.

– Нет, Александр Николаевич, аэростат мне не нужен. Меня интересует свободный полёт, независимый от привязного троса и воли ветра.

– Полагаю, ты заинтересовался работами Александра Фёдоровича Можайского? Этот моряк обещает создать воздухолетательный снаряд, весьма полезный в военном деле.

– Аппарат Можайского крайне интересен, однако, я сомневаюсь, что он сможет полететь. В его конструкции явственно видны несколько принципиальных ошибок, удалив которые мы получим вполне совершенный образец.

– Чего же ты хочешь, Петя?

– Александр Николаевич, государь, Ваше величество... Я хочу заняться этим направлением. Но есть громадное препятствие: мне всего лишь семнадцать лет, и до совершеннолетия я не вправе управлять собственным именем и капиталами.

– Для чего тебе они?

– Для производства деталей, приборов и механизмов, необходимых при постройке воздухолетного снаряда, но я бы назвал этот аппарат самолётом: так проще и благозвучнее.

– Согласен, так благозвучнее. Однако, задачку ты задаёшь... Ты желаешь быть признанным совершеннолетним?

– Да.

– Пойми и ты меня: я не могу пойти против закона, обычая и мнения общества. Против последнего в особенности.

– Понимаю.

– Сделаем следующим образом, Петя: необходимые деньги я буду выдавать тебе из личных средств. Ты доволен?

– Более чем. Однако ещё мне нужна лаборатория и помещение, причём немалое.

– Немалое это какое?

– В несколько раз больше чем эта комната. Нужно расположить станки, а также место для сборки самолёта. А к ней дополнительно – несколько служебных помещений.

Император очень внимательно посмотрел на меня:

– Как интересно! У меня полное впечатление, что ты точно знаешь, чего хочешь добиться. Согласен. Будет помещение. Где бы ты хотел его получить?

– По соседству с хорошо оборудованным заводом, было бы идеально.

– Адмиралтейские верфи тебя устроят, мой друг?

– Совершенно устроят.

– Вот и прекрасно. Дам указание, и вопрос решится. А с Можайским ты не желаешь ли сотрудничать?

– Это превосходная идея, она весьма ускорит дело. Но в первую очередь я намерен создать двигатель для своего аппарата.

– Да будет так. Выздоровливай, Пётр Николаевич, буду рад видеть тебя здоровым, весёлым и полным сил.

С утра меня посетил жандармский офицер, представившийся поручиком Власьевым.

– Произошло некое событие, Ваше императорское высочество. Возможно, это недоразумение, но я обязан уточнить.

– Внимательно Вас слушаю, господин поручик.

– У некоего извозчика Игнатова были обнаружены золотые часы, и извозчик заявил, что получил их от Вас за несколько минут до взрывов на Екатерининском канале. Правда ли это?

– Совершенная правда, господин поручик. Этот извозчик со всей возможной скоростью, загнав свою лошадку, доставил меня к Екатерининскому каналу, а так как у меня не оказалось денег, то я расплатился часами.

– Прекрасно. Однако, есть небольшая сложность. Видите ли, подобные часы совсем не по чину извозчику. Он даже продать их не смог – тут же был задержан.

– Понимаю. Если Вас не затруднит, доставьте, пожалуйста, извозчика ко мне. Я имею желание поучаствовать в его судьбе. Это возможно?

– Сию минуту его доставят.

Поручик высунулся в дверь, что-то скомандовал, и спустя короткое время передо мной предстал худой высокорослый мужик, с умными серо-зелёными глазами, с испугом глядящий на меня.

– Как Вас величать, уважаемый?

– Андрей Игнатов я, извозчик.

– Извини, Андрей, что из-за меня чуть не попал в неприятности. Давай сюда мои часы, а вот тебе взамен...

Я полез в карман куртки, всящей на спинке стула, и вынул бумажник, а из него вытряс все монеты и купюры достоинством не более десяти рублей.

– Вот тебе деньги. Хватит ли их на лошадь?

Извозчик приблизился, взял из моей руки деньги, и принялся считать.

– Здесь сто пять рублей и сорок три копейки, барин – почему-то шёпотом произнёс он – Этого на двух лошадок хватит, да ещё на корм до конца года. Спаси тебя Христос, барин! – и парень рухнул на колени.

– Вижу, что ты грамотен, Андрей?

– Немного, барин. Батюшка мой грамотен был, и нас, детушек своих, обучил. Читаю, пишу и считаю.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать три, барин.

– А не желаешь ли ты пойти ко мне в услужение? Буду тебе платить, одену, обую.

– А как же семья моя?

– Велика ли семья?

– Жонка моя, Алёна, да дочь Танюша.

– Ну что же. И семью с собой бери, будет и для них место.

– А и согласен, барин, что тут думать. Однова хуже не будет.

Я повернулся к поручику, внимательно наблюдающему за нашим разговором:

– Благодарю Вас, господин поручик, и прошу обращаться ко мне при необходимости. А для беседы жду Вас у себя, скажем, через неделю. Придёте?

– Всенепременно, Ваше Императорское Высочество.

Поручик ушел, а Андрея я поручил заботам моего нынешнего камердинера Джошуа. Надо обустроить и обучить нового слугу. Есть у меня тайная мысль, удалить из своего окружения всех иностранцев, заменив их на своих, полностью обязанных мне. Но об этом пока молчок.

После посещения меня императором, началась интенсивная светская жизнь. Приходили императрицы: действующая, хотя и не венчанная на царство, и будущая, то есть жена императора Александра Николаевича и жена цесаревича Александра Александровича, а за ними следовали фрейлины. Императрицы милостиво со мной беседовали, а фрейлины строили глазки и щебетали о том, какой я загадочный и мужественный. Выпуклости свои они при этом демонстрировали в таких выгодных ракурсах, что я едва не скрипел зубами. Замечу, кстати, что с некоторых пор я ужасно скучаю по моде того, покинутого мною времени. Судите сами: ну что может быть загадочного в женщине в микробюстгальтере и микроюбке, зачастую, даже без трусов, или как их там дразнили... стрингов? А тут дамы одеты так, что воображение само дорисовывает то, на что намекает платье, а намекать, уж поверьте опытному человеку, есть на что. К тому же эти чертовки прекрасно знают, как пользоваться одеждой в деле обольщения, умело используя целую систему знаков. Словом, я невыносимо страдал.

Бесконечной чередой потянулись посетители менее родовитые, в том числе депутация дворянства с приветственным адресом. Следом депутация чиновничества. Потом явились купцы с адресом и подарками. Все они выражали верноподданнические чувства, демонстрировали верность традициям, но, признаться, изрядно надоели.

Александр Фёдорович Можайский встретил меня на вокзале, в Красном Селе. Паровоз укатил дальше, а я пошел навстречу мужчине лет шестидесяти, в чёрном морском мундире, с погонами каперанга, и с орденами. Начало мая, погода знойная, как он не прееет? На мне тонкий светлый костюм, так что мне не жарко.

Представились, пожали руки и двинулись к коляске, ожидающей у вокзала. Я сел рядом с Можайским, а мой слуга, бывший извозчик Андрей сел рядом с кучером. Три моих чемодана были прикручены сзади коляски, на специальной решётчатой площадке. Дорога оказалась весьма ровной, к тому же, вчерашний дождь прибил пыль, так что ехали с комфортом.

Вскоре наша коляска въехала на территорию военного лагеря. Кругом виднелись военные, где группами, а где и поодиночке, рядами стояли палатки, сараи, заборы, повозки и прочий военный скарб.

– Ваше Императорское высочество, мне передавали, что вы невысокого мнения о воздушном снаряде, который я строю, это верно? – сразу взял быка за рога Можайский.

– Если Вы не против Александр Фёдорович, то обойдёмся без титулования, хорошо?

– Согласен, Пётр Николаевич, это для меня большая честь.

– Начнём с того, что Вам не вполне верно передавали. Да, я считаю, что аппарат... давайте для простоты будем называть его самолётом? Так вот, Ваш самолёт в том виде, в котором он строится, не может летать. Точнее, он не может летать устойчиво и безопасно. О причинах к тому ведущих, мы поговорим по приезду.

– Любопытно. Надо полагать, что Вы, Пётр Николаевич, обладаете некими знаниями о теории и практике строительства во... самолётов?

– Вы правильно угадали, Александр Фёдорович, некоторые знания у меня имеются, и я хочу с Вами поделиться оными.

– Гм... Надо ли понимать, что я должен рассматривать Вас как соавтора?

– Нет, Александр Фёдорович. Надеюсь, Вы оформили патент на свой самолёт?

– Патент... Привилей? Да-с, оформил.

– Великолепно! Значит, Вы и останетесь в истории изобретателем самолёта. Для меня достаточно другого: я желаю помочь Вам довести самолёт до хотя бы минимальной степени совершенства и запустить его в массовое производство. Если же нам с Вами удастся получить с этого дела доход, то буду просто счастлив.

За разговором мы доехали до развалюхи, в которой Можайский собирал свой самолёт. Щелястые тесовые стены, вместо крыши – парусиновое полотно на жердяных прожилинах. Убого. Рядом с развалюхой другая развалюха, поменьше, судя по всему, жилая. У дверей по стойке смирно стоит морской офицер.

– Разрешите представить Вашему высочеству мичмана Степанова Ивана Александровича

Я протянул мичману руку для рукопожатия, и тот, после некоторого колебания, растерянно её пожал. Чёрт, я забыл, что общество сословное, и жесты уважения к нижестоящим тут не приняты.

– Господа, прежде чем приступим, позвольте мне переодеться в рабочую одежду.

– Вот, Ваше высочество, пожалуйста сюда! – засуетился Степанов – Вот здесь, в мастерской есть свободный уголок!

Андрей шустро заташил один из чемоданов в хибарку, и я быстро переоделся в рабочий комбинезон. Вышел за дверь, и наслаждался видом двух отвисших челюстей.

– Что-то не так, господа? Это всего лишь рабочая одежда, удобная при возне с механизмами.

– Всё так, Пётр Николаевич, всё так. Вот извольте осмотреть мой... самолёт.

В распахнутые ворота виднелась лодка с короткими и широкими крыльями, обтянутыми тканью. Винтов на аппарате не наблюдалось.

– Нельзя ли выкатить агрегат на простор? Думаю, было бы недурно осмотреть его внимательнее.

Можайский и Степанов зашли в сарай и начали выталкивать его наружу, а я принялся им помогать. С другой стороны, навалился Андрей. Ну да, всё, как и докладывал поручик Власьев: длина самолёта чуть больше двадцати метров (я привычно перевожу систему мер в удобную мне), размах крыльев почти такой же. Деревянный каркас обтянут тканью, причём ткань не прибита к дереву, а примотана верёвкой, пропущенной через люверсы, набитые по кромке ткани. Четыре деревянных колеса на двух стойках расположены попарно. Двигатель не установлен, но в середине фюзеляжа имеется место для него. В крыльях имеются прорези для винтов, но самих винтов ещё нет. В целом всё сделано крепко, даже чересчур: автор руководствовался скорее морскими представлениями о прочности, излишними в авиации.

– А неплохо, Александр Фёдорович! Такой аппарат и вправду взлетит. Пролетит недалеко, но только потому, что он у вас первый, и опыта Вы накопить не успели.

Можайский остро глянул на меня, но промолчал. Я стал лазить вокруг самолёта, интересуясь тонкостями конструкции, а Можайский давал пояснения. Степанов отошел в тенёк, и уселся на скамейку: по его виду было ясно: ничего доброго он от моего визита не ждёт.

– Нет и, правда, недурно! – бодрым тоном заявил я – Не откажите, господа, посмотреть на то, что я к вам привёз.

Андрей установил раскладной стол, а рядом с ним два чемодана. Я открыл тот, что побольше и извлёк из него копию самолёта Можайского.

– Откуда?

– Александр Фёдорович, по моей просьбе вас посетил поручик Власьев, он мне изложил детали, а по ним я изготовил эту модель. Уверяю вас, Александр Фёдорович, я не разглашал детали вашего изобретения.

Андрей закрутил резиномоторы, и с руки запустил модель в воздух.

– Обратите внимание, господа, модель летит неустойчиво, раскачивается.

В это время небольшой порыв ветра опрокинул самолётик на землю.

– Всё ясно?

Можайский со Степановым хмуро покивали.

– Да, Пётр Николаевич, если бы там был человек, то он неминуемо бы погиб или сильно покалечился.

– Тут вами, господа была допущена небольшая, но важная ошибка, а именно: если мы посмотрим на птиц, то увидим, что у лучших летунов крылья узкие и длинные, а у дурных напротив, короткие и широкие. Прошу не обижаться на сравнение, но к телу буревестника вы приделали куриные крылья. Разрешите продемонстрировать этот тезис наглядно?

Моряки усиленно закивали. Андрей к тому времени принёс модель, и мы в четыре руки отстыковали старые крылья, и установили другие, памятные мне формой из далёкого детства и кружка авиамоделизма. Андрей снова закрутил резиномотор, и отправил модель в полёт. Мои собеседники зачарованно смотрели, как модель пролетела примерно вчетверо дальше, несмотря на несколько порывов ветра. Самолётик покачивался, рыскал, но летел дальше.

– Но как же, Пётр Николаевич! – с каким-то отчаянием воскликнул Можайский.

– Не расстраивайтесь, пожалуйста, Александр Фёдорович. – поспешил я его успокоить
– Просто Вы были заняты проектированием в одиночку, с нечастой помощью господина мичмана, а у меня есть возможность консультироваться с десятком инженеров и профессоров физики и механики. Какой мы из этого сделаем вывод?

– И какой же, Пётр Николаевич?

– Слышали поговорку: «Порядок бьёт класс»?

– Нет, не довелось. А что она означает?

– Означает она такую простую вещь, что команда дисциплинированных единомышленников, непременно побьёт команду неорганизованную, даже если каждый из второй команды куда как лучший боец, чем член первой.

– Соглашусь.

– А из этого следует, что создание самолёта следует вести группой, в которой будут иметься инженер, чертёжник и высококлассные мастера. А руководить таковым коллективом я предлагаю вам, Александр Фёдорович. Думаю, что в течение года-двух вы сумеете создать хорошо летающий самолёт. Согласны?

– Я... Что... Всем сердцем согласен, Пётр Николаевич! А как же вы?

– У меня другая задача, Александр Фёдорович. Вашему самолёту нужен мощный и при этом имеющий малые размеры двигатель, не так ли?

– Разумеется, нужен.

– Вот моей задачей будет формирование нескольких групп, одна из которых создаст двигатель, другая группа будет думать о топливе для этого двигателя, ещё одна будет разрабатывать приборы...

– Экую махину Вы взваливаете на себя, Ваше императорское высочество!

– А ещё я хочу вам показать другую летающую модель. Вы не против?

– Разумеется, мы полностью согласны!

Из другого чемодана Андрей вынул модель биплана, слегка похожего на У-2.

– Почему у этого самолёта два ряда крыльев? – тут же спросил Степанов.

– Видите ли, Иван Александрович, сейчас мы не можем дать самолёту двигатель достаточной мощности. Придётся компенсировать это площадью крыльев.

Андрей запустил самолётик, и он улетел дальше чем моноплан.

– А если поставить три ряда крыльев, то самолёт улетит ещё дальше? – спросил Можайский, внимательно рассматривая модель.

– Нет. К сожалению, нет. В этом случае возрастёт сопротивление воздуха движению самолёта, и оно обнулит все достигнутые преимущества. Я предлагаю вам, господа, заняться исследованием формы самолётов на постоянной, научной основе.

– Вы и мне предлагаете? – сделал шаг вперёд Степанов.

– И Вам тоже, господин мичман. Будете работать в группе Александра Фёдоровича, если не возражаете.

– Каковы будут указания, Ваше императорское высочество? – встал по стойке смирно Можайский.

– Ну, полно, Александр Фёдорович, давайте продолжим разговор по-прежнему, запросто. А указания такие: вот вам выписка из именного Его императорского величества указа об организации самолётостроительной комиссии под моим общим руководством и Вашим непосредственным начальством над отделением самолётостроения. У Вас имеется право набора персонала в комиссию. Несколько я понимаю, первым Вашим сотрудником станет мичман Степанов?

– Совершенно верно, Пётр Николаевич. Сколько у меня будет подчинённых?

– Пока десять человек. Первой задачей вашей группы будет такая: в течение месяца достроить Ваш, Александр Фёдорович, самолёт, и провести на нём несколько показательных

полётов в высочайшем присутствии. Сейчас мы с вами отправляемся в Петербург, там для вас будут оформлены все необходимые документы. Затем вы получите на Адмиралтейской верфи две паровые машины, работающие на жидком топливе, доставите их сюда и установите на свой самолёт. Здесь же, в Красном Селе, в столярной мастерской господина Ломакина, имеется возможность изготовить новые крылья, и вам, господа, необходимо проследить за тщательной их выделкой. Вот подготовленные мной эскизы, вы вольны использовать их как угодно или не использовать вовсе.

– Вы так тщательно подготовились к нашей встрече... Это несколько необычно, откровенно говоря.

– Привыкайте, господа. От вас в будущем потребуется очень много сложной во всех отношениях, срочной, и, при этом, тщательно спланированной работы.

Спустя месяц, восьмого июня, на поле рядом с ангаром и шатром, установленными на месте развалюх было не протолкнуться: привлечённые именными приглашениями и просто афишами, в Красное Село собралось не менее десяти тысяч человек. Для высшей аристократии, высших же военных и чиновничества, а также иностранных дипломатов были устроены ложи, где гостей обносили шампанским и лёгкими закусками, а гости попроще довольствовались ларьками со всякими вкусностями и услугами лоточников. За порядком наблюдали триста полицейских и неизвестное мне число жандармов: поручик Власьев как-то забыл мне доложить их численность, хотя обо всех остальных мероприятиях сообщил очень подробно. Вообще, я очень доволен своим начальником службы безопасности: умён, образован, не болтлив, силен физически и духовно. И прекрасный организатор, к тому же. Первый показательный полёт организовывал он, и получилось прекрасно. Зрители грамотно распределены вдоль взлётно-посадочной полосы, сама полоса огорожена прутиками и ярким жёлтым шнуром с красными флажками. А метрах в десяти от неё, на безопасном удалении, натянута уже верёвка на столбиках. Вдоль неё расставлено оцепление из солдат, и уж они не пускают народ на поле. В пределах охраняемой зоны, в месте, обеспечивающем лучшие ракурсы, только с десятков репортёров, не считая фотографов, с их пока неуклюжими фотоаппаратами. И репортёры-то какие!!! Из «Санкт-Петербургских ведомостей», «Правительственного вестника», «Русского инвалида», а также иностранных: «Интернэшнл геральд трибюн», «Фигаро», «Таймс», две немецкие газеты и ещё каких-то, мною не идентифицированные. Репортёры заранее проинструктированы о порядке на показе, заранее дана возможность сфотографировать наш самолёт и его создателей, показаны точки, откуда будут наиболее выигрышные ракурсы... Помножим это на прекрасный стол и в меру спиртного, и получим хорошие отзывы о нас в прессе. Это ж такая реклама!

Можайский со Степановым в парадных мундирах при наградах царят над всем этим торжеством: сегодня их день. Они принимали важных гостей, и провожали их на отведённые места, демонстрируя при этом непоколебимое спокойствие. Ещё бы! Показательный полёт первый, а вот фактический – двенадцатый.

Первый полёт мы провели три недели спустя после нашего знаменательного разговора, а до того все были плотно заняты доводкой самолёта Можайского до лётного состояния. Возни оказалось немало. Во-первых, мы изготовили новые крылья, бипланную коробку, и установили её на место. Кроме того, было изменено хвостовое оперение по подобию У-2. Доставленные паровые машины, мощностью в двадцать лошадиных сил, и котёл для них также установили, и сразу сделали привод на винты, страшно неуклюжие, на мой взгляд, и непригодные для нормальной работы, но вполне подходящие для первого в мире полёта. На самом деле наша задача не создать выдающийся по лётным качествам аэроплан, а всего лишь продемонстрировать миру приоритет России в области авиации, да и сдать аппарат в музей.

Наконец прибыли император и Екатерина Михайловна со свитой, и действие началось. Александр Фёдорович сделал доклад царственной чете, и подал знак механикам. Те, в свою очередь, распахнули ворота лёгкого ангара, и выкатили самолёт. Механики захопотали вокруг, последний раз проверяя узлы и механизмы, контролируя работу заранее растопленного котла паровых машин и вообще создавая рабочую атмосферу, столь важную при любой демонстрации. Ложи, трибуны и просто толпы народа замерли в осознании исторической важности происходящего, только лёгкий ропот пробегал при виде какого-нибудь действия аэродромной команды.

Наконец всё готово, из шатра на первый план вышел пилот, мичман Степанов. Для пилота мы сшили лётный костюм, нарисованный мною по мотивам формы лётчиков Первой Мировой войны: длинная чёрная кожаная куртка, на ногах высокие ботинки с крагами, на руках перчатки, тоже с крагами, на голове шлем с козырьком, и с пробковой тульей, обтянутый тонкой кожей. Над козырьком шлема красовались очки. Зрители возбуждённо зашумели, узрев такое великолепие.

Степанов принял доклад от старшего механика, подошел к императорской ложе, доложил о готовности и попросил разрешения на взлёт. Получив разрешение, он по лесенке взобрался в самолёт, и запустил пропеллеры. Затем дал полную мощность, а помощники перестали удерживать крылья. Самолёт пробежал двести метров по полосе, и тяжело оторвался от неё. Среди зрителей воцарился восторженный хаос: кто-то кидал в воздух кепки и чепчики, кто-то просто потрясал руками, но восторженно кричали все без исключения, в том числе и царь.

Степанов, поднявшись метров на сто – сто пятьдесят, начал выписывать круги над полем, и пролетая над толпой, горстями сбрасывал конфетти, чем вызвал ещё более буйный восторг. Наконец он направил самолёт вниз, и очень гладко приземлился, безо всяких там козлов и прочих косяков начинающих лётчиков.

Зрители взорвались овациями, а оркестр и небольшой хор грянули «Марш авиаторов»:

Мы рождены чтоб сказку сделать былью
Преодолеть пространство и простор
Нам разум дал стальные руки-крылья
А вместо сердца – пламенный мотор!

Всё выше и выше, и выше
Стремим мы полёт наших птиц
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ!

Самолёт остановился точно напротив императорской ложи, там, где механики уже раскатали красную ковровую дорожку. Осталось только чуточку подтолкнуть самолёт, и вот мичман Степанов, по приставленной лесенке, спускается на дорожку, по ней марширует к императору и докладывает:

– Ваше Императорское Величество! Первый показательный полёт первого в мире самолёта успешно завершён! Самолёт в совершеннейшей исправности и готов к новым полётам. Докладывает пилот самолёта, мичман Степанов!

Император вышел из ложи и по двум ступеньками спустился вниз. Глаза его сияли, лицо было совершенно одухотворённым. Ещё бы! Такой триумф его державы в глазах всего мира! В три шага он приблизился к мичману и крепко его, обняв троекратно расцеловал.

– Благодарю за службу мичман! Поздравляю Вас старшим лейтенантом и орденом святой Анны! – император, сняв с груди орден, прикрепил его на куртку Степанова. Тот автома-

тически рявкнул положенный ответ, затерявшийся, впрочем, в восторженных возгласах присутствующих.

– Так говорите, готовы ещё раз взлететь?

– Так точно, Ваше Императорское Величество! Готов даже поднять с собой пассажира! – и стрельнув взглядом в сторону Можайского, уточнил – только небольшого роста и веса, так как самолёт ещё опытный, маломощный.

– Вот как? А я, грешным делом, хотел попроситься с Вами. Но может кто-то ещё пожелает?

На первый план выступил смутно знакомый мне, невысокий и худощавый ротмистр в мундире лейб-гвардии гусарского полка.

– Ротмистр Иванов Максим Сергеевич. Разрешите мне, Ваше Императорское Величество!

– Ну ротмистр, если Вы того желаете, извольте!

Можайский и Степанов тут же отвели ротмистра в ангар, откуда тот вышел с головы до ног облитый в чёрную хрустящую кожу. Вдвоём со Степановым они уселись в самолёт, и под восторженные крики присутствующих пошли на взлёт.

На этот раз Степанов сделал несколько кругов над полем и стал спиралью подниматься всё выше и выше, и достиг высоты примерно полкилометра. Сделав обширный круг, он направил самолёт вниз, и вскоре совершил посадку.

– Отчего Вы не поднялись выше? – поинтересовался царь, поздравив Степанова с вторичным успешным полётом.

– Недостаточна мощность машин, Ваше Императорское Величество. Это опытный аппарат, и на нём стоят машины, не вполне подходящие ему.

– Ну, ничего. На первый раз достаточно и того что вы продемонстрировали. А теперь я бы хотел получить пояснения из уст автора сего изобретения.

На первый план выступил Можайский.

– За выдающееся техническое изобретение, поздравляю Вас контр-адмиралом! А теперь расскажите нам о своём детище.

Можайский повёл царственную чету вокруг самолёта, давая пояснения. Механики по его команде открывали различные лючки, через которые можно было увидеть устройства самолёта.

Спустя три часа, наконец, всё стало успокаиваться. На соседнем поле, за тройным рядом деревьев, были установлены шатры, куда царственная пара и сопровождающие лица были приглашены отобедать. Публика попроще расположилась на аэродроме, и тоже не скучала. Оркестр играл бравурные марши, и через два на третий-четвёртый раз – «Марш авиаторов», каждый раз встречаемый криками ура. Слова подпевали уже многие из присутствующих.

А возле самолёта, с двух сторон, выстроились две очереди – люди желали запечатлеть себя на фоне нового чуда. Надо сказать, что, предвидя ажиотаж, поручик Власьев подсуетился, и пригласил четырёх фотографов, велел им приготовить как можно больше кассет. Впрочем, понятно, что на всех не хватило, несмотря на то, что фотографии делались групповые, по десять и более человек.

Где в это время находился я? Разумеется, в императорской свите, так уж положено по протоколу.

– Пётр Николаевич, а Вы рискнули бы совершить полёт на этом самолёте? – обратилась ко мне какая-то незнакомая дама, буквально облепленная бриллиантами. Судя по тону, она была уверена в моём отрицательном, или, на крайний случай в уклончивом ответе.

Ответить я не успел, поскольку рядом нарисовался давешний ротмистр, всё ещё в кожаном великолепии.

– Насколько я знаю, любезнейшая Аглая Андреевна, Его Императорское Высочество в течение предыдущей недели, не менее трёх раз поднимался на этом самолёте.

– Но... Позвольте Максим Сергеевич, было объявлено, что сегодня был совершён первый полёт!

– Тонкость в том, что сегодня был совершён первый ПУБЛИЧНЫЙ полёт, а до того команда Его императорского высочества готовилась и тренировалась без публики. Причём Его высочество самостоятельно пилотировал самолёт! – и ротмистр обаятельно улыбнулся – Однако, милые дамы, позвольте мне обратиться к Его императорскому высочеству. – и он повернулся ко мне:

– Ваше Императорское Высочество! Прошу Вас принять меня в свою комиссию, на любую должность, связанную с самолётами. Сегодня я понял, что это моя судьба, и я мечтаю стать пилотом, подобно Вам и старшему лейтенанту Степанову.

– Извините великодушно, ротмистр, я вижу, что мы знакомы, однако запомнил Ваше имя.

– Иванов, Максим Сергеевич.

– Я беру Вас, Максим Сергеевич, но обязан предупредить, что в моей комиссии принята очень жёсткая дисциплина. Вы не передумаете?

– Ни в коем случае! Я заранее навёл справки, и заранее согласен на все условия, в том числе и дисциплинарные.

– Отлично. В таком случае, благоволите прибыть ко мне завтра, к восьми часам утра, я проведу с Вами собеседование. А пока отдыхайте, Максим Сергеевич.

Счастливый ротмистр упорхнул, а я остался на растерзание дамам. Впрочем, у меня есть старый, ещё студенческих времён, способ исчезать из неприятной компании. Даю условный знак заранее проинструктированному официанту, и вот ко мне уже движется посыльный с конвертом. Вскрываю его, и сообщаю агрессорам:

– Тысячу извинений, милые дамы, но дела службы превыше всего!

А наутро я, в компании Можайского, Степанова и ротмистра Иванова, решаем вопрос о дальнейшей судьбе построенного самолёта. Заседание открыл я:

– Господа! Вчерашний, в высочайшем присутствии, показ нашего самолёта оказался вполне успешным.

– Более чем успешным! – уточнил Можайский, покосившись на свои новые погоны.

– Согласен. После показа, на приёме, ко мне по очереди подошли не менее десяти человек, с одним вопросом: когда и на каких условиях они смогут приобрести подобный самолёт в личное пользование. Из этого следует... что?

– Мы начнём выделять самолёты для продажи?

– Не только. Необходимо организовать ещё и обучение пилотов и обслуживающего персонала.

– А не слишком ли это поспешно? – осторожно подал голос Степанов.

– Отнюдь. Мы живём в империи, к сожалению, отстающей в техническом отношении, от главных европейских держав. Авиастроение совершенно новая отрасль промышленности, и тут мы имеем возможность хоть на шаг, но обогнать наших заклятых друзей. План мой таков: следует устроить вояж по основным европейским столицам для коммерческой рекламы нашего самолёта. Вернее, группы самолётов. Руководить группой назначаю адмирала Можайского. Господа офицеры будут его заместителями, но со старшинством старшего лейтенанта Степанова, как более образованного в техническом отношении, так и более опытного в обращении с самолётом. Набор и обучение технического персонала ложится на всех вас. Прошу

не обижаться, но время поджигает: уже в разгаре май, а для европейского вояжа у нас время только до начала сентября.

– Отчего так мало? – изумился Иванов.

– Разрешите ответить мне. – поднял руку Степанов, и после моего кивка продолжил – В сентябре начнётся сезон ненастной погоды, которая помешает не столько нам, сколько публике, которая просто на придёт на наши показы.

Ротмистр согласно кивнул.

– Продолжаю. Ещё на прошлой неделе я с доверенным лицом отправил заказ на паровые машины, на Обуховский завод, и третьего дня получил уведомление, что заказ принят к исполнению. Машины они обязуются поставить в точности такие, какие установлены на первом вашем, Александр Фёдорович, самолёте. Первые четыре машины будут доставлены в первых числах июня, остальные доставят по их изготовлению.

– А сколько, простите, Ваше императорское высочество, Вы всего заказали машин?

– Десять. Отсюда задача: сегодня же мы приступаем к изготовлению серии этих самолётов. Сначала мы заложим две машины, и на них отработаем максимально возможные улучшения и до предела снизим вес самолёта. На мой взгляд, он имеет совершенно избыточный запас прочности. Во-вторых, сократим количество колёс до двух, это тоже даст экономию веса, и наконец, тщательно продумаем элементы управления самолётом. Задача ясна?

– Так точно!

– Последнее, господа. Я знаю, что все вы сейчас завалены приглашениями на различные приёмы, в качестве знаменитостей. Прошу при разговорах не сдерживаться, и расписывать самолёт конструкции адмирала Можайского в самых превосходных степенях. В ваших рассказах должно быть всё, в том числе и те улучшения, что мы будем внедрять в запланированной серии самолётов, за исключением особенностей конструкции органов управления.

– Позвольте, Ваше Императорское высочество, а как же секретность, о соблюдении которой мы с Вами давеча говорили?

– Противоречия нет, господин адмирал. Мы сейчас готовимся выпускать самолёты с совершенно непригодной двигательной установкой. Паровая машина – тупиковая ветвь в авиации, однако, какое-то количество самолётов мы успеем продать.

– А какой же двигатель пригоден?

– Двигатель внутреннего сгорания, и, доложу вам, что другая группа нашей комиссии уже приступила к его созданию.

– Прошу разъяснить, Ваше Императорское высочество, что же в самолёте является действительно секретным?

– По-настоящему секретными являются технология обработки деталей и вообще технология выделки. Что же касается общей конструкции, то у зрителя, а уж тем более у покупателя, имеется полная возможность их изучить, а при желании – перенять. Но дьявол, как известно, прячется в деталях, и вот эти детали мы и будем оберегать. Обо всех личностях, излишне дотошно интересующихся именно технологиями, применяемыми в нашей комиссии, прошу немедленно сообщать поручику Власьеву.

Офицеры дружно скорчили постные рожи.

– Господа! Прошу на секунду отставить снобизм, и подумать непредвзято. Вот, скажем Вы, старший лейтенант Степанов, как относитесь к английскому флоту и промышленности?

– В высшей степени уважительно, Ваше Императорское высочество!

– А знаете ли Вы, что любой нижний чин или офицер английского флота, да и любой британский подданный, считает своим долгом довести до сведения английских жандармов, уж простите великодушно, но я не интересовался, как их там, в действительности, зовут, обо всём, что он узнал интересного за границей?

– Признаться, я о чём-то таком слышал, но считал сие гнусным наветом.

– Нет, сие есть святая правда. А теперь посмотрим с такой стороны: вы рассказываете нечто любопытное господину N, замечу, абсолютно лояльному российской короне. Господин N в свою очередь разбалтывает этот забавный пустячок господину X, уже не столь лояльному, к тому же состоящему в тесных отношениях с неким английским джентльменом. И что из этого следует? А вот что: английская промышленность более развита, чем наша, и через некоторое время ваше новшество оказывается внедрено в английскую промышленность, становится видом вооружения, и русский корабль, на котором служите вы или ваш лучший друг, внезапно оказывается беззащитным перед англичанином, и идёт на дно. Как, господа, вы считаете этот сценарий невероятным?

У господ офицеров ступор.

– Скажу более того: со времён Ивана Великого, ни один русский царь не умер своей смертью, а друзей и руководителей террористов, что совсем недавно покушались на нашего царя, надо искать никак не в Бухаре или Стамбуле, и даже не в Берлине, а вовсе даже в Париже или Лондоне. Впрочем, это уже политика, но справедливости ради замечу: технологические секреты крадут все, только что азиаты пока не сумеют их применить.

Можайский солидно откашлялся:

– Думаю, что выражу общее мнение, когда скажу: свои заблуждения мы вполне осознали, и отныне перестанем чураться нашего поручика Власьева, а обо всех замеченных попытках выведать не подлежащее разглашению, будем его оповещать.

На лицах Степанова и Иванова возникли было гримасы, но спустя мгновение они согласно кивнули.

– Отлично, господа. С сего момента и до отъезда в европейский тур, вы в первую половину дня, занимаетесь строительством самолётов, а второй половиной дня располагаете по вашему усмотрению.

– Прошу разъяснений, Ваше Императорское высочество. – откашлявшись заговорил Иванов.

– Слушаю.

– В мастерских установлен восьмичасовой рабочий день, в то время, как на других заводах рабочий день от десяти до шестнадцати часов. Это грозит убытками.

– Вы удивитесь, Максим Сергеевич, но это неверно. Работники за восемь часов меньше устают, работают с большей отдачей, так что за более короткое время они успевают сделать больше и качественнее, хотя бы потому, что брака выходит намного меньше. Кроме того, в случае необходимости, мы можем организовать вторую смену работ, и удвоить количество продукции, ничуть не потеряв в качестве.

– Благодарю за разъяснение.

На том наше совещание закончилось, господа офицеры двинулись в мастерскую, расположенную на территории Адмиралтейских верфей рядом с Галерным мостом, а я поднялся на этаж выше, где меня уже ожидала группа химиков, во главе с профессором Меншуткиным. Когда я вошел, все встали, поприветствовали меня, и с интересом принялись разглядывать странного князя. Я тоже стал рассматривать визави: кроме Меншуткина тут находились трое мужчин средних лет, весьма представительных, что называется, профессорского вида. Чуть позади них стояли девять молодых мужчин в студенческих мундирах.

Я за руку поздоровался с Меншуткиным, и обратился к остальным:

– Сейчас глубокоуважаемый профессор Меншуткин нас взаимно представит, и мы проведём наше первое рабочее совещание.

Николай Александрович стал по одному называть присутствующих, и те подходили для рукопожатия.

– Профессор Баум Генрих Иванович, специалист в области чёрной металлургии и в особенности жаропрочных сплавов.

– Профессор Храмов Аристарх Никитич, специалист в области цветной металлургии, в особенности в той части, о которой интересовались Вы, Ваше Императорское Высочество: алюминий.

– Приват-доцент Михельсон Иван Иванович, мой ближайший сотрудник, специалист в области органической химии.

– Представляю вам господ студентов, коли Вы согласились с ними работать. Студент четвёртого курса Эбергард Франц Адольфович, в круге его интересов математика и общая химия.

– Студент четвёртого курса Коротков Егор Васильевич, в круге его интересов органическая и аналитическая химия...

Меншуткин называл имена, я автоматически пожимал руки, сам смотрел в глаза студентов, пытаюсь угадать степень их таланта. Вся моя прежняя учительская практика утверждает: талант виден сразу, как сразу же видна и бездарь. На этих студентов смотреть было радостно: все умницы, все горят энтузиазмом.

– Прошу вас, господа, располагайтесь, если хотите вести записи, то ведите. – обратился я к присутствующим.

Мы расселись вокруг большого стола, и я начал:

– Господа, с вами предварительно были проведены беседы, и вы, в общих чертах знаете, чем мы будем заниматься. Сейчас я назову первые задачи, стоящие перед нашей комиссией, и вы выберете для себя задачу по вкусу. Итак, первая из них, это создание лака, которым будет покрываться медная проволока, наматываемая в обмотку электрогенераторов. Лак должен быть диэлектрическим, то есть не пропускать электричество, быть термостойким в пределах от минус пятидесяти до плюс ста-ста пятидесяти градусов по Цельсию. При этом он должен обладать достаточной пластичностью при комнатной температуре, чтобы обработанную им проволоку можно было наматывать. Вторая задача – создание диэлектрического материала, наподобие резины, для покрытия электрических проводов. Материал этот должен быть в меру пластичным, позволяющим многократно сгибать провода, покрытые им, термостойким до ста, а лучше до ста пятидесяти градусов Цельсия, устойчивым к воде, солнечному свету, и большинству распространённых растворителей. Третья задача – создание масла на основе нефти, для смазки двигателей внутреннего сгорания. Масло должно хорошо держаться на поверхности металла, хорошо смазывать сопрягающиеся поверхности и работать при температуре от минус пятидесяти до пятисот градусов. Впрочем, эти показатели вы уточните у создателей двигателей. На первых порах мы будем использовать касторовое масло, но у него имеется серьёзный недостаток: уж очень оно, касторовое масло, недолговечно. Четвёртая задача – создание одно или двухкомпонентного вещества по типу лака, которое после высыхания будет обладать большой механической прочностью, стойкостью к солнечному свету и большинству распространённых растворителей, при этом оно должно быть не слишком тяжёлым. Основным применением такого вещества станет покрытие тканевой обшивки крыльев и корпуса самолёта. Следующая, пятая задача – отработка технологии промышленного получения бензина из нефти, в несколько раз больших количествах, чем получают сейчас. Шестая задача – изобретение технологии получения искусственного каучука. Ах, да забыл: седьмой задачей будет получение густой смазки, для движущихся и трущихся поверхностей. Требования к ней такие же, как к жидкому моторному маслу, разве что рабочая температура будет не выше двухсот-трёхсот градусов.

Я помолчал, оглядев собрание. Господа химики слушали с интересом, что-то черкали на бумаге, а двое студентов перешёптывались, передвигая друг к другу листок с какой-то записью.

– Я продолжу, господа. Бензин и искусственный каучук, ввиду нашей немногочисленности, мы отложим на вторую очередь. Теперь о принципиальном: сырьё для получения лаков, масел и иных веществ, по возможности, должно быть отечественным, и опять же, по возможности, наиболее дешёвым. Впрочем, удешевления сырья можно добиться уже после начала мас-

совой выделки продукции. Аппараты и приборы, на которых будет организовано промышленное производство нашей продукции, должно быть приспособлено к выделке в нашей стране, с тем, чтобы мы сами производили его на продажу, а вы, как авторы, получали роялти. И, наконец, крайне важная вещь: все работы, проводимые вами, все результаты вами достигнутые, должны быть абсолютно секретными. Сами понимаете, если конкурентам, особенно в Европе, станет что-то известно, они тут же станут, вместо вас, авторами открытия, и получают все миллионы рублей, которые проплывут мимо вас.

– Неужели миллионы?

– Именно. Судите сами: самолёт сам по себе стоит не менее десяти тысяч рублей золотом, а в Европе и в Новом Свете ещё дороже. Масло, смазку и бензин он будет потреблять постоянно. Кроме самолётов в широкую продажу пойдут самоходные повозки, или автомобили, велосипеды с моторчиками и прочие механизмы. Из других веществ также будут производить массовые продукты. Скажем, электрические провода будут производиться тысячами километров, а электрогенераторы и электромоторы – миллионами штук. Не завтра, конечно, но очень и очень скоро.

Сделал паузу и закончил:

– Профессор Храмов, у Вас будет отдельная задача. Вы должны отработать дешёвый способ получения алюминия, гальваническим методом. Сразу намекаю: алюминий, полученный по Вашему методу должен быть в три-четыре раза дешевле меди, произведённой ныне. В будущем Вы удешевите и производство меди, но об этом потом. А сейчас я удаляюсь, у меня срочная встреча. Все вопросы – через профессора Меншуткина, или через жандармского поручика Власьева.

Присутствующие химики дружно скривились, а я тяжело вздохнул:

– Будьте разумны, господа! Обществу нужны и музыканты, и ассенизаторы. Кто-то должен заниматься неприятной и грязной работой, если она полезна обществу и стране. Кстати, очень многие реактивы, с которыми вы работаете, пахнут вовсе не фиалками, не так ли? Вот и жандармы вынуждены заниматься не самыми лучшими представителями человеческого рода. Поэтому я вас очень прошу, не обижайте господина поручика, он очень воспитанный, образованный и отважный человек, обладающий широчайшим кругозором. К тому же я имею честь считать поручика Власьева одним из моих друзей.

Я откланялся, и отправился на обед, который здесь зовут завтраком. Начал я в одиночестве, но спустя несколько минут пожаловал мой старший брат, Николай, в компании трёх сослуживцев. Вышколенные слуги мгновенно сервировали стол, слегка опасливо поглядывая на Николая Николаевича, но тот сегодня был настроен благодушно.

– С тех пор как ты, Петенька выздоровел, ты очень изменился. Вечно где-то пропадаешь, вечно чем-то занят, слугу нового завёл, кстати, Джошуа жаловался на неожиданную отставку.

Спутники Николая аккуратно кушали суп и внимательно разглядывали меня.

– Джошуа я отставил, потому что имею подозрение на его противоестественные наклонности.

– Ах да, он же англичанин, им свойственно баловать друг друга с чёрного хода.

Господа офицеры заржали.

– Что касается моих отлучек, то один из результатов ты видел в Красном Селе.

– О да! И был немало впечатлён! Свежеиспечённый адмирал Можайский уверял Его императорское величество, что без твоего участия самолёт бы не полетел, это правда?

– В какой-то мере. Я предложил адмиралу для его самолёта крылья и хвостовое оперение другой формы, и предложение пришлось ко двору.

– И на что пригодна сия забавная игрушка?

– Игрушка? Да, пока игрушка. При собственном весе почти в сто пудов, она способна поднять не более двенадцати пудов, и пролететь не более десяти-пятнадцати вёрст. Увы, но на большее самолёт в нынешнем виде не способен.

Офицеры смотрели с интересом.

– Чувствую какой-то подвох – весело заявил Николай – не мучай, Петя, раскрой, в чём он?

– Всё очень просто: это первый в мире самолёт. Следующий будет совершеннее, следующий ещё совершеннее... И так далее.

– Но какая практическая польза от самолёта, коли он летает недалеко, а груз вообще перевезти не способен?

– Не преувеличивай, Николай. Даже в этом виде самолёт способен доставить через вражеские позиции важное сообщение, да и провести разведку он также способен, причём, дальше, чем это возможно при помощи аэростата.

– Пожалуй, ты прав, брат! Это важное достижение

– И заметь, это русское достижение!

– Что ты намерен делать дальше?

– Думаю совершить вояж по главным европейским столицам, продемонстрировав миру русские самолёты.

– А дальше? Я имею в виду военную службу.

– Сам понимаешь, Николай, с таким увечьем – я продемонстрировал левую руку – мне в строевых частях не служить. Однако на военной службе я намерен резко обогнать тебя, брат, если не в чинах, то в должности!

– Ну-ка, ну-ка, объясни свой коварный план! – расхохотался Николай.

– Я намерен создать новый род войск, и возглавить его. Императорский Военно-Воздушный Флот.

– И какие возможности будут у твоего рода войск?

– О! Самые разнообразные! Разведка, доставка срочных сообщений и важнейшей корреспонденции, перевозка офицеров связи, атаки неприятеля с воздуха и многое другое.

– Я вижу, что ты всё тщательно продумал?

– Ну, не всё, и не так тщательно, как должно, но кое-какие планы у меня имеются.

– Весьма любопытно! Признаться, я ожидал, что ты будешь сильно удручён своим увечьем, и всё готовился к тяжёлому разговору, но как оказалось, дела обстоят намного благополучнее, чем мне казалось!

– Более того, Николай, приглашаю тебя в последнее воскресенье июня, в Царское Село, там я намерен продемонстрировать новую забаву. Клянусь, ты будешь в восторге!

– Заинтригован! Что это за забава, ты конечно не скажешь?

– Даже под пытками! Но намекну: нам потребуются купальные костюмы.

Спутники Николая в течение всей трапезы так и не проронили ни слова, что вообще-то странно. Впрочем, мне с этими господами детей не крестить.

К трём часам пополудни у меня была назначено встреча с будущими мотористами, сейчас проходящими службу в Инженерном училище. Встреча проходила в одной из аудиторий Инженерного замка, куда Андрей уже доставил деревянный макет мотоциклетного двигателя.

С макетом получилось очень удачно: я, как смог, нарисовал чертеж мотора «Ковровца», обратился в столярную мастерскую, что была среди прочих служб при Николаевском дворце, и мастера-краснодеревщики в течение недели сделали то, что надо. При вращении рукоятки было видно, как двигается поршень, шатун, клапаны, как вращение от коленвала через коробку передач передаётся на цепь, как переключаются передачи. Карбюратор я, как сумел, нарисо-

вал, отметив все размеры, которые упомянул. Отдельно было изготовлено магнето, причём уже в металле, но работало оно из рук вон плохо. Свеча зажигания была и вовсе только в виде карандашного наброска.

Я попросил начальника училища, генерала Тидебеля, выделить в моё распоряжение десять-пятнадцать юнкеров старших курсов во главе с талантливым профессором механики, и вот они стоят передо мной: десять юнкеров, и генерал-лейтенант Паукер Герман Егорович.

И тут оказалось, что, обращаясь в Николаевское инженерное училище, я чуть было не попал в лужу: тут, конечно, готовят инженеров, но инженеров фортификации. Я впал в ступор, но Герман Егорович меня мягко успокоил:

– Нет причины волноваться, Ваше императорское высочество, мы вполне способны произвести необходимые расчёты, сделать необходимую детализовку, а также работать с любыми моделями. Как инженеры, мы работаем с самыми разными механизмами, подчас весьма экзотическими.

Всё-таки приятно работать со специалистами! Двигатель внутреннего сгорания для них оказался совсем не новостью, в Европе многие экспериментируют с ними. Широко известны двигатели Отто, работающие на светильном газе, беда этих двигателей в том, что они громоздки и требуют экзотического топлива: существует даже двигатель, работающий на водороде! Но предлагаемый мною им сразу приглянулся: компактный и простой. Андрей развернул принесённые с собой чертежи и укрепил к стоящим здесь же чертёжным доскам. Кстати, ещё задачка для прогрессора: надо подсказать здешним обитателям конструкцию нормальной чертёжной доски, какие я видел в своё время.

Профессор и юнкера принялись осматривать и обсуждать модели и чертежи, а я встал в сторонке, наблюдая за ними. Да, я удачно сюда зашел: парни разобрались с механикой двигателя, и теперь обсуждали: как и на каком оборудовании изготавливать детали. Наконец они слегка уgomонились.

– Я, и мои юные коллеги весьма впечатлены замыслом двигателя. Не считите за лесть, Ваше Императорское Высочество, но то, что мы увидели – гениально!

Хм... Ещё бы не гениально! За этой конструкцией больше века напряжённой работы сотен конструкторов из десятков стран! Но говорить я этого не стал, и лишь скромно поклонился.

– Мы хотели бы услышать Ваши пожелания по дальнейшей работе. Какую цель Вы видите и назначите нам?

– Господа! Двигатель, модель которого вы видите, является стартовой точкой для проектирования целой плеяды моторов разного назначения и самой различной мощности. Я вижу, что представленный двигатель вполне готов для установки на лёгкий двух или четырёхколёсный экипаж, и нам надо как можно быстрее наладить его массовое производство. Массовое, господа, это несколько тысяч единиц в год. Такие экипажи найдут применение, как в мирной жизни, так и в армии, как средство передвижения курьеров, а может и целых подразделений. Впрочем, об этом говорить рано. Более мощные двигатели мы установим на экипажи, предназначенные для перевозки грузов, буксировки артиллерийских орудий, вспашки земли и даже для копания ям и траншей. Позже я вам представлю чертежи и модели таких машин. Вы знаете, что адмиралом Можайским построен самолёт, который успешно летал в высочайшем присутствии. Возможно, что кто-то из вас видел эти полёты. Так вот: самолёты также нуждаются в двигателях внутреннего сгорания, разрабатывать и строить которые будете вы. Предупреждаю сразу: работы предстоит не много, а безумно много! Согласны ли вы, двинуться по этому пути?

Восторженные возгласы и горящие глаза были мне ответом.

– В таком случае, ваше высокопревосходительство, прошу Вас разбить юнкеров на группы, которые займутся отдельными агрегатами, а затем мы с Вами обсудим наши дальнейшие планы.

Профессионала видно по замашкам. Приятно было посмотреть, как профессор разделил ребят на группы, назначил ответственных, дал каждой группе точные инструкции, обеспечил всех чертёжными и письменными принадлежностями, мгновенно разрешил миллион прочих мелких проблем, и спустя какой-то час подошел ко мне. Мы уселись за столом, в сторонке от работающих юнкеров.

– Ваше Императорское Высочество, двигатель, который Вы нам представили в виде макета – само совершенство!

– Полно, Герман Егорович! Давайте без церемоний, без чинов, так нам будет много легче. Согласны?

– Вполне. Но я преисполнен такого восторга!!!

– Вот об этом я и хотел поговорить. Так получилось, что мои скромные мысли приходится по вкусу разным людям, и случается, помогают им в работе. Так меня весьма хвалил адмирал Можайский, а после – профессор Меншуткин. Но мне не нужна слава, поскольку она может породить кривотолки, дурно влияющие на общественное мнение. Прошу Вас не афишировать моё участие в разработке двигателя, и очень надеюсь, что господа юнкера поступят так же.

– Не вполне понимаю причины излишней Вашей скромности, Пётр Николаевич, но раз Вы настаиваете, подчиняюсь.

– А теперь поговорим собственно, о двигателе. Согласны?

– Конечно же. Если позволите, я выскажу несколько своих замечаний.

– Слушаю Вас, Герман Егорович.

– Механическую часть, а именно: двигатель, коробку передач и карбюратор я беру на себя, поскольку хорошо знаком с предметом, хотя и не столь совершенным как представленный. А вот гальваническую часть я предлагаю передать в ведение Чиколева Владимира Николаевича. Вы не будете возражать, Пётр Николаевич? Владимир Николаевич прекрасный специалист, отличный преподаватель и незаурядный технолог. Сейчас он служит по артиллерийскому ведомству, и насколько знаю, там он на прекрасном счету.

– Перед такими рекомендациями устоять невозможно. Согласен.

– Далее. Десяти юнкеров и одного профессора для проведения назначенных Вами работ совершенно, абсолютно недостаточно!

– Хм... Я и просил у вашего начальника пятнадцать юнкеров при трёх преподавателях.

– Но и их не хватит! Считаю, что группу необходимо расширить не менее чем до двадцати юнкеров при пяти, а лучше семи офицерах. Впрочем, это дело некоторого будущего.

– Совершенно верно, Герман Егорович! Первая задача, стоящая перед вами, это создание надёжно работающего образца двигателя. К этому двигателю ещё следует изготовить экипаж, но о нём подумаем после того, как главная задача будет решена.

– И ещё, Пётр Николаевич, не сочтите за дерзость, но в письме, которое мне передал начальник училища, содержатся такие драконовские требования по обеспечению секретности... Это нечто неслыханное.

– Герман Егорович, дорогой, Вы, наверное, обращали внимание на то, что наши офицеры слишком много болтают. Вы воевали, и знаете, сколько лишней крови наших солдат и офицеров пролито зря – только из-за несдержанного языка какого-нибудь пустозвона в погонах, решившего блеснуть своей причастностью к военной тайне.

Генерал посуровел и выпрямился. Ещё бы! В его глазах я всего лишь гражданский шпак, сопляк, великосветский хлыщ, взявшийся судить боевых офицеров.

– Не обижайтесь, Герман Егорович, я и сам вскоре должен влиться в ряды офицерского корпуса, и, несмотря на увечье, сделаю это.

Генерал мгновенно смягчился:

– Да-да, Пётр Николаевич, извините, что я подумал несколько нехорошо.

– Пустое. А дело, которым мы занялись, весьма поможет нашей Армии и нашей державе. Поймите, на кону многие миллионы рублей золотом, и десятки тысяч человеческих жизней, которые пропадут впустую, если не мы, а наши заклятые друзья из Европы первыми наладят их выделку.

– Заклятые друзья из Европы! – засмеялся генерал – Чертовски недурно сказано!

– Вы согласны со мной, Герман Егорович?

– Теперь согласен полностью, и буду отстаивать Вашу правоту перед коллегами.

– Теперь перейдём к деталям: я имел разговор с директорами Обуховского завода и Адмиралтейских верфей, прошу Вас освидетельствовать эти заводы, и вынести решение о том, где лучше наладить массовую выделку наших моторов.

– Какие Вы назначите сроки?

– Коли мы отныне работаем вместе, то привыкните к такому моему ответу: «Это нужно сделать ещё вчера»!

Паукер опять засмеялся. Юнкера с удивлением на нас заозирались: вид смеющегося генерала для них явно непривычен.

– У Вас острый язык, Пётр Николаевич! Если позволите, я передам коллегам Ваши шутки.

– Ничего не имею против, Герман Егорович. Но вернёмся к делу. Когда отработаете технологию, я намерен добиться строительства моторного завода, а ваша группа продолжит проектировать новые двигатели. Прошу вас буквально с сегодняшнего дня начать подготовку из ваших юнкеров руководителей и конструкторов для будущего завода. Повторяю, речь идёт о миллионах рублей золотом, мы обязаны заработать их для России и, что уж там кривляться, для себя тоже. Все, кто отлично проявит себя в нашем деле, со временем станет если не миллионером, то весьма обеспеченным человеком. Но об этом пока молчок.

– Разумеется, Пётр Николаевич. Однако позвольте вопрос: коли речь зашла о деньгах, а на строительство завода будет открыто финансирование?

– Да, этот вопрос решён. Пока расходы идут из личных средств Его императорского величества, и он твёрдо обещал свою помощь в дальнейшем.

Организация великосветского мероприятия дело непростое. Организация великосветского мероприятия, совмещённое с презентацией изобретения, дело ещё более непростое, затратное и в высшей степени ответственное.

Изобрести я решил две вещи: виндсерфер, то бишь, доску с парусом, и кайтсерфер, то есть ту же доску, но с тягой от воздушного змея. Решил я заимствовать и оригинальные названия: европейцы всё равно не примут русские имена, а самый широкий рынок продаж именно в Европе. Насколько я помню, а сам я никогда на таких досках не катался, лишь видел всё со стороны, доски для виндсерфинга и кайтсерфинга должны быть разными. Может быть. Но пусть это станет заботой будущих поколений. А моя задача – поразить великосветское быдло и малость срубить бабла. Очень уж много денег уходит на полезные проекты.

Осталось придумать костюмы для спортсменов-водников, и это оказалось совсем нетривиальной задачей. Суть в том, что купаться нынче принято в специальных купальных костюмах, каковые в наше время сошли бы за ужасно пуританский наряд. В то же самое время люди попроще купались голышом, не стесняясь никого. Противоречие, однако.

Голову я ломал долго, пока не вспомнил, как однажды, в середине двухтысячных, увидел в Репино небольшой самодеятельный карнавал любителей водных досок. Уж не знаю, как они там назывались правильно, но зрелище получилось великолепным: русалки, водяные, пираты и кто-то вроде осьминогов гоняли по мелким волнам, подгоняемые тёплым восточным ветром.

Почему бы и мне не сделать нечто похожее?

Доски получились тяжеловатые: всё-таки пенопласт пока не создали, а кора пробкового дуба значительно тяжелее его. Но вес досок получился вполне приемлемый, даже девушка могла нести их в одиночку.

В имеющейся при Николаевском дворце швейной мастерской, оказались весьма профессиональные портные, готовые выполнить заказ любой сложности, так что пошив мягкого змея для них оказался не слишком сложной задачей. Старый мастер, Евгений Иванович Козлов, даже дал несколько полезных советов, опираясь на опыт своего далёкого детства.

А вот испытывать получившиеся змеи пришлось, выходя на парходике подальше в Финский залив. Зачем такие меры секретности? Да уж очень хотелось, чтобы сюрприз получился полноценным.

После третьих испытаний змея, признанных удовлетворительными, я дал команду сшить первых пятнадцать экземпляров. Пятнадцать экземпляров виндсерферов к тому времени тоже были изготовлены и дожидались своего часа.

Теперь встал вопрос, а кто, собственно, будет презентовать новые игрушки?

Недолго думая, я отправился в Морское училище, с твёрдым намерением поговорить с начальником.

Согласно правилам хорошего тона, я отправил Андрея к начальнику училища, адмиралу Епанчину, с письмом в котором более чем кратко изложил суть дела, и добавил просьбу принять меня в любое удобное ему время. Ответ получил немедленно, что, дескать, адмирал готов принять меня хоть сей же час. Не откладывая в долгий ящик, я велел закладывать выезд, да и двинулся на приём, благо, это рядом. У парадного входа меня принял адъютант адмирала, и проводил в кабинет начальника. Следом за мной Андрей и кучер несли завернутые в парусину доски.

– Признаться, Пётр Николаевич, я не вполне понял, в чём суть Вашей просьбы. – после взаимных приветствий сказал адмирал, усаживаясь за небольшой столик, на котором уже стояли чашки чая и сладости.

– Дело несложное, но весьма ответственное, Алексей Павлович. Мною изобретены новые средства передвижения по воде, и я бы желал представить их свету в высочайшем присутствии.

– Что за средства и какова будет моя роль в данном представлении?

– Читал я, что туземцы Гавайских островов ловко катаются на океанских волнах, стоя на специально сделанных досках.

– Это правда. – солидно подтвердил адмирал – Мой адъютант, старший лейтенант Протасов, лично наблюдал такую картину во время кругосветки. Ах, молодость! Он тогда был ещё мичманом, и даже сам прокатился.

– Удачно?

– Разумеется! Поначалу он, как рассказывает, несколько раз упал, не без того, но потом волну он оседлал. Да-с! – адмирал браво закрутил ус.

– В нашем море такие большие волны бывают только во время шторма, вот я и придумал поставить на доску парус, так что даже при слабом ветре можно будет всласть покататься возле пляжа.

– И как это будет выглядеть?

– Разрешите продемонстрировать?

– Прямо здесь?

– Отчего же нет? Потолок в Вашем кабинете высокий, вполне можно показать.

– Извольте, Пётр Николаевич.

Я позвал Андрея и кучера, и, развернув парусину, продемонстрировал доски.

– Обратите внимание, Алексей Павлович, вот сюда вставляется киль, но мы его сейчас устанавливать не будем, иначе на полу доски стоять не будут.

На доску установили мачту с парусом, и адмирал, встав на доску, взялся за поручень.

– О, а в парусе окно! Да, так будет удобно управлять. Великолепная придумка, замечательное обещает быть развлечение. Так в чём требуется моя помощь?

– Мне требуется сорок гардемарин, чтобы они освоили эти доски, и продемонстрировали свои умения в высочайшем присутствии.

– И как, позвольте полюбопытствовать, вы желаете всё организовать?

– Если будет на то Ваше соизволение, то мы объявим, что требуются охотники для испытания новых игрушек.

– Насколько я знаю молодёжь, – улыбнулся адмирал – вызовутся все, а преподаватели и Ваш покорный слуга, будут желчно им завидовать, и сетовать на собственный возраст и излишне высокие чины.

– И правда. – огорчился я – Я уже зафрахтовал пароход, нашел место для тренировок в одном из заливов неподалёку от Выборга, оборудовал там лагерь. А что бы Вы предложили, Алексей Павлович?

– Стыдно признаться, Пётр Николаевич, но я и сам лично не отказался бы от такого развлечения, уж простите старика. Если бы я решал, то я бы разделил всех офицеров и гардемарин, кто сейчас наличествует в Морском училище, а это сто пятнадцать человек, в совокупности, на три группы, и по очереди вывез бы в Ваш лагерь.

– Гениальное решение Алексей Павлович! А по результатам мы отберём тридцать-сорок лучших, и с ними проведём показ в высочайшем присутствии.

А спустя месяц в Петергофе я устроил грандиозное великосветское представление. Присутствовала царствующая семья, все великие князья, которые в данный момент находились в России, а не болтались по заграницам, человек сто из числа высшей аристократии, и, конечно же, представители иностранных дипломатических миссий, аккредитованных при дворе. Плюсуют к ним положенные по статусу свиты, и в итоге получилось больше семисот человек, но меньше тысячи. Точную цифру я у Власьева как-то забыл спросить, да и ни к чему это.

Петергоф сам по себе великолепен, а подготовленный к большому приёму – ослепителен. Играли три оркестра: один в Верхнем парке, второй на балюстраде у Большого фонтана, а третий в большом зале дворца. Кругом были развешаны гирлянды, стояли какие-то вазоны с чем-то... а с чем, я так и не понял, хотя Петя честно пытался мне растолковать. Для украшения Верхнего парка даже притащили два самолёта в качестве новейшего чуда техники. Желающие могли вплотную приблизиться к ним, а те, кому не слишком мешали наряды, даже посидеть внутри. Рядом с самолётами находились Власьев, Иванов, Степанов и десяток юнкеров Инженерного училища, дающих пояснения любопытствующим.

Приём шел по стандартному сценарию: сначала прибытие гостей, которых я встречал на площадке у Большого дворца. Затем гости перешли на площадку рядом с Большим фонтаном, где прозвучала небольшая, минут на пятнадцать, речь императора Александра II. В этой речи он отметил и мой юный возраст, и мои заслуги перед Отечеством, выразившиеся в спасении его персоны от рук террористов, а также неустанные мои труды на ниве изобретательства и развития промышленности. Надо сказать, речь императора была нескучной, весьма душевной, настолько, что даже я, старый зануда и циник, слегка растрогался.

В ответной речи я отметил, что счастлив, жить и работать на благо великой России под отеческим руководством императора Александра, что изобретательство приносит мне массу удовольствия, и я надеюсь, что плодами изобретательства воспользуются и все присутствующие. И пригласил всех пройти на берег залива, где юные моряки покажут невиданные доселе аттракционы.

На берегу уже стояла шеренга гардемарин Морского училища, наряженных в карнавальные купальные костюмы, держащие наготове свои виндсерферы и кайтсерферы. Руководил ими один из офицеров Морского училища, лейтенант Смирнов Павел Николаевич.

Для зрителей были устроены трибуны, расставлены плетёные кресла, стояли столы с угощениями.

По команде лейтенанта гардемарины опустили свои доски на воду, и виндсерферы подняли свои паруса, а в стороне от них, рассыпавшиеся по берегу кайтсерферы начали запускать свои яркие, разноцветные змеи. Спустя некоторое время всё ближнее пространство перед пляжем было усеяно серферами, маневрирующими в различных направлениях. Поразительно, но гардемарины даже после столь непродолжительной подготовки, не допустили ни одного столкновения между собой. Профессионалы растут!

Зрители были очарованы.

– Петя! – послышался голос сзади. Я обернулся и увидел подходящего ко мне брата в сопровождении уже знакомых офицеров – Это и есть то развлечение, которое ты мне грозился показать не столь давно?

– Да, Николай, и если ты и твои спутники желают, то вы тоже можете испытать их. Если есть желание, то сейчас, а нет, так попозже. Должен предупредить, что они хотя и просты, но требуют в обращении некоторой сноровки.

– Как ты назвал эти лодочки, я не расслушал?

– С парусом виндсерферы, а со змеем – кайтсерферы.

– Надо полагать, ты подготовил и костюмы для нас?

– Разумеется, брат! Пойдем, я провожу тебя в помещение для переодевания.

Мы прошли к кабинкам, расставленные в рядок на пляже, позади зрительской трибуны, и я указал Николаю на костюмы, развешанные на вешалках:

– Выбирай!

Себе я выбрал костюм Синдбада-Морехода, а Николай облачился пиратом. На берегу я начал объяснять Николаю и его офицерам, тоже переодевшимся в купальные костюмы, устройство виндсерфера и основные принципы управления им. Спустя короткое время мы уже скользили по водной глади залива, а тёплый южный ветер наполнял наши паруса. Понемножку Николай научился маневрировать, а затем и регулировать скорость. Рекомендации он выслушивал внимательно и выполнял со старанием, что благоприятно сказалось на его успехах. А вот двое господ из его команды, пренебрегшие моими советами, шлёпнулись в воду. Глубина залива в этом месте едва превышает метр, поэтому они просто побрели на берег переодеваться, а их места на сёрфах тут же заняли другие молодые люди.

Оставив Николая маневрировать в приятной компании, я вернулся на берег, переоделся, и у кабинки меня отловил гвардейский офицер:

– Пётр Николаевич, Его императорское величество приглашает Вас для беседы.

Царь оказался в обществе адмирала Епанчина и нескольких незнакомых мне морских офицеров.

– Превосходный приём, Пётр Николаевич – заявил он сходу – я весьма доволен. Ваши сёрфы оказались прелюбопытными забавами, на досуге, без посторонних глаз, я и сам попробую ими управлять. Особенно мне понравились кейтсёрфы. Гардемарины на них катаются весьма лихо, а под силу ли они мужчине моего возраста?

– Мужчине Вашего возраста доступно гораздо больше, чем юноше. – дипломатично заявил я – Разве что в казаки-разбойники Вам играть не к лицу. Что до сёрфов, то адмирал Епанчин лично управлял и виндсёрфом, и кейтсёрфом.

– Ну и каково Ваше мнение, Алексей Павлович? – повернулся царь к адмиралу.

– Я в восторге, Ваше величество! Не думаю, что сии доски могут быть применимы в военном деле, но в деле обучения юношей азам парусной науки они весьма применимы. Весьма!

– Где-то я слышал: обучай развлекая.

– Совершенно верно, Ваше величество. Пётр Николаевич подарил Морскому училищу тридцать сёрфов с полным снаряжением. Кроме того, Его высочество передал нам полный

комплект чертежей, который позволит нам строить сёрфы по мере необходимости, собственными силами, в шлюпочной мастерской.

– Превосходно. – повторил император – Мне доложили, что Вы собираетесь продавать парусные доски?

– Совершенно верно, Ваше величество. Разве что завод формально принадлежит другому лицу, поскольку сам торговлей не собираюсь заниматься.

– Разумно. Весьма разумно. А теперь, Пётр Николаевич, скажи мне, как ты собираешься совершить вояж по Европе.

Я давно ожидал этого разговора, поэтому взял из поданного Андреем портфеля папку, раскрыл её и начал доклад, подтверждая свои слова документами, схемами и планами.

Рекламный вояж мы озаглавили «Русские крылья в европейских столицах», и пока строились остальные четыре самолёта, прошла подготовка по дипломатическим и техническим каналам. Маршрут был назначен такой: Санкт-Петербург – Берлин – Вена – Париж – Лондон – Санкт-Петербург. Сформировали поезд: салон-вагон для меня, вагон первого класса для Можайского, Степанова, Иванова, офицеров конвоя и двоих химиков, взятых со шпионскими целями, вагон второго класса для механиков, вагон третьего класса для конвоя, два грузовых вагона для запчастей и прочих материалов, и пять удлиненных платформ для самолётов с отстыкованными крыльями. Над платформами построили легко демонтируемые навесы, чтобы самолёты можно было легко сгружать, а сами они не страдали от дождя. Я страшно волновался, что нет достойного нитролака для покраски самолётов, но оказалось, что зря. Как выяснилось, эмалит здесь уже производят, жаль только, что под десятком различных названий, и если бы я не стал дотошно проверять содержимое банок с красками и лаками, ни за что бы не узнал, что он есть.

И вообще, я понял, что хреново быть попаданцем из сельской местности. Эвона, читаешь о других, и сердце радуется: они и крутые спецназеры, и, при этом имеют по четыре высших гуманитарных образования. Они и безумной дотошности историки, и знатоки оружия, и сами красавцы-соблазнитель. Хотя, на последнее мне жаловаться грех. Это там, в своём селе я был неприметным мужичком, а тут ух какой видный мужчина не совсем совершеннолетнего возраста. Впрочем, это мне мало помогает: великосветские дамы смотрят на меня только как на выгодную партию. Те, что достаточно родовиты и богаты, присматривают в качестве мужа, а те, что поплоче – в качестве любовника и содержателя. Тфу! Я настолько старый, что помню ещё времена в Советском Союзе, когда женщины ещё смотрели на мужей как на личность, но потом пришли гнусные демократические времена, и брак стал совершенно соответствовать ехидному замечанию то ли Бальзака, то ли Моруа: «Брак – это узаконенная проституция». Справедливости ради замечу, что и достойных мужиков осталось совсем немного. Но это в моём мире. А тут как-то не попадались мне высокодуховные «тургеневские барышни», всё больше вьются вокруг меня шалавы разной степени распущенности. Не везёт, должно быть. А, скорее всего, пробивные и наглые фемины оттесняют достойных девушек в задние ряды, вот мы и не пересекаемся. Пока же, я пользуюсь услугами одной из женщин, уж не знаю, в какой должности она числится во дворце, это неинтересно. Дамочка является, буквально по свистку, темпераментно отработывает номер, получает деньги и уходит.

Впрочем, я отвлёкся. Я нетипичный попаданец. О дате покушения на Александра II помню случайно, и только потому, что этот вопрос мне попался на уроке, а я ухитрился посмотреть ответ в открытой методичке, что лежала на столе учителя. Событие это настолько эмоционально ярко окрасилось, что запомнилось на всю жизнь, вместе с датой, естественно. Конструкцию мотоцикла я знаю досконально, поскольку все мальчишеские годы возился с ним. Кое-что помню о конструкции грузовика ГАЗ-51, колёсного и гусеничного тракторов, зерно-

уборочного комбайна – доводилось работать на них в уборочную. Знания плохо совместимые с музыкой? Совершенно верно, плохо совместимы. Руки мои из-за тяжелой работы огрубели, и музыканта из меня не получилось, хотя для сельской местности сошло. В общем, я знаю то, с чем непосредственно работал, прекрасно понимаю, как выращивают хлеб, и почему единоличник ни за что не сумеет прокормить не то что страну, но и себя со своей семьёй. Я знаю о том, что капитализм – тупиковая ветвь развития человечества, ведущая к деградации и гибели. На мой взгляд, феодализм и то более гуманен, но он, к сожалению, совершенно изжил себя. Ещё я занимался авиамоделированием, и полученные в кружке знания весьма ценны в эту эпоху. Но главное, что я принёс из будущего – это системный подход. Понимание, что тот же самолёт, это не только фюзеляж, крылья и винт. Гораздо важнее для самолёта двигатель. С хорошими крыльями полетит даже кресло-качалка, а если присобачить к ним хороший мотор – будет вообще сказка. Но не забываем, что на самолёте имеется довольно много приборов, конструкции которых я не знаю. К примеру, в детстве я не догадался спросить, а потому мне и неизвестно: как на самолёте измеряют скорость? Да и в мотоциклетном спидометре я не ковырялся, следовательно, не знаю его устройства. Зато я знаю много вещей, которые будут изобретены в будущем, но могут быть полезны и сейчас. Я не знаю конструкции многих вещей, но это неважно: когда возникает потребность в чём-то, находим специалиста и ставим ему хорошо оплаченную задачу и через какое-то время получаем результат. Особенность человеческого мышления заключается в том, что оно сразу и чётко определяет: решаемая стоит перед ним задача, или нет. Если человек твёрдо знает, что задача решаемая, то она будет решена. Это немногие гении способны разглядеть решение нерешаемой до сей поры задачи. Другой вопрос, что задачи нужно подбирать решаемые на данном уровне развития технологий, а это очень сложное искусство. Ну и не забудем об ускользающей из поля зрения большинства неспециалистов темы важности производства средств производства. Если проще: станкостроение должно быть самым приоритетным направлением для руководителя. Авиазаводы не нужны без моторных и приборостроительных заводов, а они, в свою очередь, не нужны без станкостроения. Сложно? Не без того.

Кстати, именно такой сложной работой я сейчас и занимаюсь. Со мной в салоне двое химиков, приват-доцентов Университета. Справа от меня расположился Никита Петрович Нестеров, а слева Кирилл Карлович Тропе.

– Господа, дела, которые я вам хочу поручить, весьма своеобразны, но также весьма перспективны в смысле получения прибылей. Нашей комиссии очень нужны деньги на развитие уже начатых проектов, и потребность исчисляется в суммах с множеством нулей. Вы, господа, должны помочь нам всем. Разумеется, роялти вам гарантированы. Вам интересно?

– Разумеется. Мы вас внимательно слушаем, Ваше Императорское Высочество.

– Это хорошо. Первое по срочности и лёгкости идёт создание гигроскопических повязок. Повязки должны представлять собой пакеты из тонкой эластичной бумаги, наполненные целлюлозой, перемешанной с гигроскопичным сорбентом. С одной стороны, пакет должен быть проницаемым для влаги, а с другой нет.

– Пока ничего сложного Вы, Ваше императорское высочество, не описали. Но для чего понадобятся эти пакеты?

– Господа, обойдёмся без чинов. Вы не возражаете? Хорошо, тогда продолжим. Повязки нужны при перевязках кровоточащих ран. Военные хирурги будут в восторге от нового перевязочного средства. Это первое. Второе: как вы знаете, у женщин бывают месячные, и вам, людям женатым, известно насколько это неприятный и болезненный для женщины период. Гигиенические прокладки значительно облегчат их состояние.

– А вы уверены, Пётр Николаевич, что эти, гм... гигиенические прокладки будут востребованы? – спросил Кирилл Карлович.

– А вы, Кирилл Карлович, проведите эксперимент: изготовьте два десятка прокладок: десяток потолще, для месячных и десяток потоньше, на каждый день, и проследите реакцию жены.

– И какую же реакцию Вы предполагаете?

– Жена потребует от Вас и в дальнейшем обеспечить её таким удобным гигиеническим средством. Более того: того же захотят и её подруги, и подруги подруг...

– Хм... Получается, что нам следует сразу планировать строительство фабрики?

– Совершенно верно! И ваша задача будет заключаться в отработке технологии массовой выделки таких прокладок. Если вы к тому же, придумаете клей, не оставляющий следов, при помощи которого прокладки будут крепиться на бельё, то заслужите бесконечную благодарность всех женщин планеты Земля.

Химики заулыбались.

– Я полагаю, что состав начинки прокладок и состав клея вы разработаете до возвращения в Россию. Состав прокладок должен отвечать некоторым условиям: во-первых, быть абсолютно нетоксичным, во-вторых, должно использоваться, по возможности, отечественное сырьё, и, наконец, они должны быть приятными на ощупь.

– Благодарим за подробные пояснения, Пётр Николаевич. У нас есть некоторое представление о том, какие составляющие мы будем использовать, и Вы правы, до возвращения в Россию мы обязательно успеем. А какова будет вторая задача?

– Вторая задача значительно сложнее. Я предлагаю вам создать эластичную прозрачную плёнку, например, из целлулоида, и нанести на неё фоточувствительный слой. Такая плёнка заменит стеклянные пластины в фотографических аппаратах, которые станут меньше, легче и дешевле, а значит, потребуются очень много фотографической плёнки. Я уже дал механикам задание на создание фотоаппарата, а плёнку для него создадите вы. Что ещё крайне важно, вами должны быть созданы станки, на которых будут производиться сии вещи. Продажа станков и лицензий на них принесёт ещё немало денег, в том числе и вам.

Окрылённые химики ушли, их место заняли Степанов и Иванов. Первым заговорил Иванов:

– Ваше императорское высочество, разрешите внести на Ваше рассмотрение кандидатуру пилота самолёта?

– Господа, когда мы наедине, прошу обращаться ко мне без церемоний: мы товарищи в трудном деле. Хорошо?

Офицеры кивнули.

– А позвольте задать вопрос: для чего нам ещё один пилот?

– Ну как же! Самолётов у нас пять, а пилотов всего четверо: Вы, адмирал Можайский, старший лейтенант Степанов и я.

– Максим Сергеевич, пилотов мы обучать будем, и, если этому искусству захотят обучаться все офицеры нашего конвоя, и кто-то из нижних чинов, я буду только рад. Но это обучение никак не связано с количеством имеющихся в нашем составе самолётов.

– Несколько туманно, Пётр Николаевич. Поясните, будьте добры, что Вы имеете в виду?

– Да то простое обстоятельство, что, начиная с Берлина, мы начнём терять в каждой столице по самолёту. Вы читали роман господина Дюма-отца «Три мушкетёра»?

– Ну, разумеется!

– Вот как Д'Артаньян терял по товарищу на каждой остановке по пути в Лондон, так и мы будем терять самолёты.

– Спаси Христос! Пётр Николаевич, уж не планируете ли Вы катастрофы?

– Что-о? Разумеется, нет! Я просто буду дарить по самолёту каждому венценосному родственнику, встреченному по пути.

– Роскошные подарки!

– Великокняжеские, друзья мои. Это вопрос статуса и протокола. К тому же, не забывайте Максим Сергеевич, что самолёты надо обслуживать и учиться на них летать. А для обучения им придётся прислать к нам будущих пилотов и механиков к нам. Это первое. Во-вторых, многие захотят не отстать от своих повелителей, и приобретут у нас ещё самолёты, и тоже пришлют людей на обучение. А кто-то приедет и лично.

– Хитро задумано.

– Политика, мой друг. Кстати о пилотах, господа. Я уже начал теоретическое обучение Андрея.

– Вашего слуги?

– Да, его. Как выяснилось, он умнейший человек. Образования у него, за исключением элементарной грамотности, совершенно нет, но в наличии светлый ум и великолепные способности. Я прошу вас по возможности позаниматься с Андреем в том предмете, в котором вы лучше всего разбираетесь.

– Позвольте, Пётр Николаевич, – поднял голову Степанов – я техник-механик, и моя специализация паровые котлы и машины. Я должен заниматься с Андреем сим сложным предметом?

– Если только на то будет Ваше желание и его интерес, Иван Александрович. Видите ли, меня приводит в негодование отношение нашего дворянства и вообще образованного класса к мужикам, как к неполноценным людям, как к белым неграм. Я хочу на примере Андрея показать, что различия между классами и сословиями состоят лишь только в образовании и воспитании.

Степанов умолк глубоко задумавшись.

– Я займусь с Андреем математикой и физикой. – сказал Иванов – Нынче же договорюсь с ним о занятиях.

– Благодарю, господа. А теперь давайте составим детальные планы наших выступлений: мы этот вопрос обсуждали до отъезда, но торопливо, поскольку все мы были заняты.

А заняты мы были всерьёз: господа офицеры получали отпускные документы в своих воинских частях, это непросто, даже с великокняжеской поддержкой: у чиновников свои правила, и нарушать эти правила, они не собираются. Потом пришла очередь на оформление документов для механиков, и это тоже легло на офицеров. А попутно они же контролировали процесс выделки и сборки самолётов. Я держал все эти дела под полным контролем, но офицерам таких подробностей знать необязательно, пусть привыкают к личной ответственности за общее дело.

Первое публичное выступление в рамках вояжа «Русские крылья в европейских столицах», мы дали в Петербурге, на Комендантском аэродроме, который был устроен специально для нас рядом с ипподромом. Зрителей собралось, по сведениям полиции, не менее тридцати тысяч, но благодаря отличной организации всё прошло без сбоев и волнений. Удалось даже заработать, организовав продажу флажков с государственным гербом, спешно напечатанных открыток с самолётом и фотографиями всех четверых русских пилотов. Огромным спросом стали пользоваться наборы, с помощью которых можно собрать бумажную модель самолёта... Должен сказать, что сувениров даже не хватило на всех желающих, и мы сделали из этого важные выводы. Во-первых, пригласили в качестве импресарио нашего шоу московского книгоиздателя Ивана Дмитриевича Сытина. Понятно почему: офицерам, а уж тем более, великому князю, заниматься низменными денежными делами как-то не с руки, а книгоиздателю в самый раз. Во-вторых, Иван Дмитриевич заранее организовал издание сувениров в странах, которые собралось посещать, и наконец, в-третьих, я через Сытина дал задание модельерам разработать костюмы а-ля пилот, адаптированные для мужчин и женщин. Заказы на пошив таких костюмов был размещён в Германии и Бельгии – там оказались самые дешёвые швейные фабрики.

В Берлин наш поезд прибыл глубокой ночью и под проливным дождём. Поезд отогнали на запасной путь, от которого было всего полкилометра до поля, где должны проводиться показательные полёты. Впрочем, я всё это время спокойно спал: не хватало ещё заниматься мелкими делами, попусту нервирова подчинённых, которые и без начальства прекрасно справляются. Часам к десяти я проснулся и, приняв душ и позавтракав, вышел на деревянный перрон, явно построенный специально для приёма нашего поезда. Да, отличная организация приёма! В конце поезда, где находятся платформы с самолётами, видна и слышна деловитая суета: сгружают самолёты. Немцы подготовили широкий деревянный пандус, по которому самолёты по одному стали скатывать на землю, а механики тут же начали их собирать.

Хотя показательные полёты назначены на завтра, уже сегодня собралась немалая толпа. Впрочем, зрители ведут себя прилично, чему способствует и великолепная работа полиции: поставлено оцепление, верёвкой на колышках обозначен охраняемый периметр. В толпе очень много людей в мундирах: очень похоже на Россию, где каждое ведомство имеет свой мундир.

Ко мне тут же подошел Можайский:

– Доброе утро, Пётр Николаевич! Как отдохнули?

– Прекрасно, Александр Фёдорович! Вижу, что Вы уже организовали разгрузку?

– Да, это так. Должен отметить отличную организацию: принимающая сторона выполнила все наши пожелания. Первый самолёт будет уже вскоре собран,

– Это радует. Будем надеяться, что и в других странах будет организовано не хуже. Акулы пера ещё не досаждают?

– Акулы пера... Ах, репортёры? Были журналисты из трёх газет, я поручил их заботам Степанова и Иванова. Вас дожидается адъютант принца Вильгельма.

– Пожалуйста, немедленно пригласите его ко мне.

– Слушаюсь.

– Благодарю за успешную работу, Александр Фёдорович. Адъютанта я приму в своём вагоне, туда его и направьте.

Офицер в мундире первого гвардейского полка, с погонами гауптмана и адъютантским аксельбантом чётко откозырял мне. Говорит адъютант на неплохом русском языке, что приятно. Выглядит офицер молодцевато, держится уважительно и с достоинством. В доставленном письме карточка принца Вильгельма и просьба о встрече до начала показа.

– Передайте Его императорскому высочеству, что я буду сердечно рад его принять в любой удобный для него момент.

– Если позволите, то принц будет у вас сегодня, ровно в полдень.

– Очень рад, буду ждать с нетерпением.

Адъютант ушел. Любопытно, а зачем Вильгельму так срочно понадобилась эта встреча? Не буду ломать голову: через полтора часа всё и так станет известно. И не ошибся: принц пришел, и сказал, чего он хочет. Оказывается, газеты с описанием полёта самолёта Можайского попали в руки Отто Лилиентала, известного немецкого воздухоплавателя, конструктора первых удачных планеров, и он отправился к принцу. Лилиенталь убедил Вильгельма в перспективности нового вида техники настолько, что тот отправился лично познакомиться с создателем самолёта и его высочайшим покровителем.

Прежний хозяин моего тела был знаком с принцем, и много раз с ним встречался, но разница в возрасте не позволяла до сих пор возникнуть дружбе. Это для меня Вильгельм был легендарной личностью, главой очень близкого нам государства, с которым мы в том мире воевали долго и страшно. А для него я ничем до сей поры не примечательный великий князь, один из последних в очереди наследования престола. Но вот ситуация меняется: я теперь знаю,

что Вильгельм очень незаурядный политик и личность, а он узнаёт о том, что я начал набирать политический вес, занявшись очень важной отраслью.

Для начала мы с Вильгельмом вспомнили наши предыдущие встречи, общих знакомых, рассказали друг другу по парочке анекдотов из придворной жизни, и наконец, Вильгельм перешёл к основной части:

– Пётр, я до дыр зачитал газеты с описанием полётов ваших самолётов, а затем просто измучил полковника фон Гершова, добиваясь мельчайших подробностей его посещения самолётного сборочного цеха на Адмиралтейских верфях в Петербурге. А затем на приём ко мне пробился инженер Отто Лилиенталь, и ещё сильнее подогрел моё любопытство.

– Да, Вильгельм, самолёт оказался весьма занятной штукой. Когда я впервые его увидел, то тоже влюбился в него, и в те возможности, которые даёт самолёт.

– Я слышал, что сегодня вы будете испытывать собранные самолёты...

– Вы желаете присутствовать при сборке?

– Не только, Пётр, не только. Если на то будет ваша воля, конечно.

– Ага, наконец, я догадался: Вы желаете совершить полёт, а может даже получить навыки пилотирования?

– Именно так.

– Тут я вынужден Вас несколько разочаровать, Вильгельм.

Вильгельм напрягся. Известно, как он очень остро переживает намёки на своё увечье, и если я на него тоже намекну, а уж тем более, откажу под этим предлогом, то сразу стану смертельным врагом.

– Дело в том, что управление самолётом вовсе не так просто, как кажется. Сколько Вы учились управлять лошадью? Несколько лет до тех пор, когда ваш навык стал совершенным. Вот и у самолёта есть масса особенностей, которые надо учитывать. Образно говоря, Вильгельм, Вы должны научиться управлять драконом.

– Да-да Пётр, этого я об этом не подумал. Но Вы поможете мне в освоении этого искусства?

– Вне всяких сомнений, Вильгельм! Всё что я знаю и умею в этой области, будет известно и Вам. А теперь благоволите переодеться в лётный костюм, и мы пойдём наблюдать за сборкой самолётов. Вы не откажете мне?

– Всем сердцем согласен, Пётр!

При помощи Андрея и адъютанта Вильгельма мы переоделись в кожаные лётные доспехи, и вышли на перрон. В толпе, увеличившейся за последнее время, заметили Вильгельма и слышались приветственные крики.

– Вы популярны, Вильгельм!

– Приветствуют не только меня, но и Вас, Пётр. – ответил он, пряча довольную улыбку.

Первый из самолётов уже был собран, и Можайский прочитал принцу лекцию по устройству летательного аппарата. Затем принц уселся на место пилота, и приступил к изучению органов управления. Выглядел он при этом совершенно счастливым. Я отошел в сторонку, и ко мне подошел наш жандарм:

– Пётр Николаевич, вы не забыли о недужной руке германского принца? Как бы нам не получить неприятностей по сему случаю.

– Ну что тут поделаешь, Андрей Антонович, в данном случае мы совершенно бессильны. Самолёт проверят и испытают, и я возьму принца в ознакомительный полёт. М-да! Так скажу, Андрей Антонович: надежда только на то, что Вильгельм со временем сам охладает к авиации. Или врачи ему запретят. – но последнее я буркнул уже про себя.

Тем временем уже на второй самолёт установили крылья, и приступили к монтажу винтов. Одновременно другая бригада проверяла работу тяг руля и элеронов.

Часа через три я повёл Вильгельма на обед, уже накрытый в салоне. Принц так увлёкся новой игрушкой, что даже не хотел снимать с себя лётной формы. Однако, оглянувшись на меня и на своих свитских, принял серьёзный вид и переделся к трапезе. Разговор за столом, конечно же, крутился вокруг самолёта.

– Пётр, каков будет ваш следующий шаг? – взволнованно спросил Вильгельм.

– Всё просто: после обеда, присутствующий здесь старший лейтенант Степанов испытает в воздухе собранный самолёт. Иван Александрович на этот момент лучший пилот в мире. После него в полёт отправимся мы с вами. Разумеется, если Вы этого желаете.

– Полёт – это прекрасно, но я спросил о другом. Я слышал, что вы собираетесь строить самолёты на продажу?

– Собираемся. Нужно же где-то брать деньги на исследования и строительство новых самолётов, не правда ли? Но это дело не скорое, судите сами: только в том самолёте, который Вы лично видели, заложено около пятидесяти изобретений. Из них защищены патентами только восемнадцать, а остальные пока находятся в стадии рассмотрения. А ещё готовятся к подаче в патентные бюро не менее сорока патентов, в основном касающихся органов управления самолёта.

Застольный разговор вился вокруг самолёта и желания всех присутствующих офицеров свиты принца совершить полёт. Однако, на мой внимательный взгляд, далеко не все господа офицеры на самом деле горели желанием отрываться от земной тверди, а болтали о своём желании лишь для того, чтобы угодить начальству. Ну и ладно, силком в самолёт никого пихать не собирается, прокачу только принца, а у остальных будет прекрасная отговорка: не взяли, мол.

Когда мы вышли на лётное поле, куда выкатили самолёт, старший механик отдал рапорт о готовности. Степанов занял место в открытой кабине и провёл проверку по полной программе: прокатился по полю до конца полосы и обратно, совершил три подлёта по прямой, два подлёта по кругу на минимальной высоте, и, наконец, поднял самолёт на максимальную высоту: около пятисот метров. Сделав несколько кругов, Степанов приземлился, причём остановился он как раз напротив меня с принцем. Как он умудряется останавливаться там, где надо, не имея тормозов, для меня остаётся загадкой. Впрочем, в блокноте я сделал пометку: «оборудовать самолёт тормозами».

– Рассказывайте, Иван Александрович, как Вы оцените качество сборки?

– Замечаний нет, всё сделано в высшей степени добротно.

– Благодарю Вас, Иван Александрович! Ну что же, теперь моя очередь лететь, Вильгельм, если Вы не передумали, занимайте своё место, вот оно.

И спустя несколько минут, самолёт отправился на взлёт. Взлетев, я стал нарезать круги вокруг лётного поля, в соответствии с полётным планом.

– Пётр, а давайте посмотрим на Берлин с высоты птичьего полёта! – восторженно заорал Вильгельм.

– Давайте, только недалеко.

Я развернул самолёт в сторону Хафеля, и полетел над ней. В случае аварии у нас будет хорошее место для посадки, если конечно не влечемся в мост, а вид, открывающийся от реки, пожалуй, самый выигрышный в любой столице. Достигнув какого-то замка, недалеко от слияния Хафеля с Шпрее, я развернулся над ним, и отправился обратно.

– Пётр, это невероятно! Я, наконец, понял, чего мне не хватает в жизни! – Вильгельма переполняли эмоции – Меня не остановит никакая цена, я просто обязан приобрести у Вас самолёт! – заявил он мне сразу после посадки.

– Вильгельм, Вы грубо ломаете мои планы – засмеялся я – один из этих самолётов предназначен в подарок Вам, и я собирался вручить его завтра, на показательных полётах. Так сказать, государственный подарок. Вы не сможете потерпеть до завтрашнего дня?

– Потерплю, но из последних сил. Однако, Пётр... Одного самолёта мало.

– А вот здесь я с Вами полностью солидарен, Вильгельм. Одного самолёта для великой державы бесконечно мало. Самолётостроительный завод мы вполне можем сделать совместным, русско-германским, внеся в его создание всё самое лучшее, что есть в наших империях. И продукцию мы будем делить исходя из степени участия. Это справедливо?

– Я бы сказал, что это по-братски. Согласен. Германское участие начнётся с моего личного вклада. Каким Вы его видите, Пётр?

– В первую очередь обучение русских мастеровых в Германии. Во вторую – станочный парк: всему миру известно германское качество.

Вильгельм довольно улыбнулся.

– Пётр, Вы не откажете мне в просьбе?

– Если я в силах выполнить, то...

– Позвольте мне Вас сопровождать в вашей поездке?

– Милости прошу, Вильгельм. Но как на это посмотрит кайзер? Простите, что напоминаю об этом, но Вы не простой подданный Германской империи, а наследник престола.

– С кайзером я договарюсь легко, а что до родителей... Разрешение я получу.

– Ну и прекрасно! Тогда, как почти полноправный член нашей группы, слушайте первый приказ своего возможного временного начальника: Вы поступаете в распоряжение господина Степанова, который будет Вашим наставником, как в теоретической, так и в практической лётной подготовке.

– Яволь, герр начальник! – шутливо отсалютовал мне Вильгельм.

На следующий день ко мне с утра подошел полицейский чиновник:

– Ваше Императорское Высочество! Разрешите представиться, барон фон Гольц. Имею честь доложить, что по нашим подсчётам, на поле собралось не менее пятидесяти тысяч человек, и публика продолжает прибывать. Вскоре ожидается прибытие кайзера Вильгельма и принца Фридриха с супругами. Будут ли какие-либо пожелания?

– Нет, барон, всё должно пройти по заранее согласованным с вами планам. Нам ведь не нужны неожиданности, не так ли?

– Разумеется, не нужны.

– Вот и прекрасно! Я намереваюсь встретить Его Императорской Величество, не составите ли мне компанию?

– С радостью!

Ещё бы! Лишний раз появиться перед глазами царственной особы очень полезно для карьеры. Кайзер прибыл точно в назначенное время, в сопровождении жены, сына с женой и внука, принца Вильгельма, а также свиты человек в пятьдесят. Отзвучали положенные слова, и я повёл императора к самолётам, выстроенным ровным рядом. Даже пропеллеры были установлены в одинаковом положении! Рядом с самолётами выстроились пилоты и механики. Пилотов я представил императору, и они удостоились рукопожатия.

– Пётр, мой внук сказал, что Вы намерены разрешить ему участвовать в полётах. Это так?

– На самом деле, Ваше Императорское Величество, разрешение должно исходить от Вас. Сам же я счастлив доверием, оказанным мне моим другом. Самостоятельно управлять самолётом он пока не будет, поскольку ещё не проходил обучения.

– Управление самолётом настолько сложно?

– В какой-то мере. Даже управлять лошадью учатся не за один день, а в двигателях самолёта около сотни лошадиных сил. В любом деле есть масса тонкостей, и Вам это известно лучше, чем любому другому.

– Это верное замечание. Я разрешил Вильгельму сопровождать Вас в поездке, но как быть со свитой?

– Ваше Императорское Величество, я бы предложил решить задачу на основе паритета: дело в том, что в поезд больше нельзя добавлять вагонов. Это требование железнодорожной безопасности. Я приглашаю принца разделить со мной салон-вагон, в нём два спальных купе, и мы сможем там прекрасно разместиться. В вагоне первого класса свободны семь купе, там может разместиться его свита. Половину русских охранников я отправлю в Россию, а на их месте разместятся германские гвардейцы. Такой расклад устроит Ваше Императорское величество?

– Гм... Это воистину Соломоново решение. Я не вижу больше препятствий к поездке принца. Но право слово, я завидую вам, молодые люди! Найти для себя новое дело, и отдаться ему со всем жаром души! Это возможно только в молодости. Наслаждайтесь ею, мои мальчишки!

Император растроганно обнял меня и расцеловал.

Механики с помощью солдат выкатили все четыре самолёта на старт. Сегодня запланированы групповые полёты, о чём народ известили глашатаи с мегафонами, стоящие вдоль ограничительной линии через пятнадцать метров. Мы с Вильгельмом подошли к первому в строю самолёту, и я вручил ему свернутый германский флаг.

– Вильгельм, когда мы сделаем второй круг, по моей команде сбросите германский флаг. Я сброшу русский. В воздухе они развернутся, и величественно опустятся вниз, а там их немедленно поднимут солдаты.

– Эх, жаль, что я не увижу этого внизу!

– Помилуйте, Вильгельм, Вам для этого придётся разорваться надвое. Или Вы решили не лететь?

– Действительно, Пётр, я не желаю рваться! – засмеялся Вильгельм.

Мы заняли свои места, и я поднял руку, показывая готовность к полёту. Остальные пилоты тоже подняли руки. Все готовы, ждём команды руководителя полёта, коим выступил наш жандарм. Власьев в форме и при орденах, взмахнул своим флагом в жёлто-красную клетку. Пропеллеры закрутились, и по вторичному взмаху клетчатого флага солдаты прекратили удерживать самолёт, а мы, всё ускоряясь, покатались по полю. Трибуны восторженно гудели. Взлетели удачно, почти синхронно. В воздухе мы выстроились в шеренгу, на расстоянии крыла от крыла не более десяти метров, и сделали первый круг. Второй круг сделали, перестроившись журавлиным клином: я с Вильгельмом впереди (ничего личного, просто положение обязывает), Можайский встал справа, а Степанов и Иванов слева. Когда мы после перестроения снова приблизились к полю, я громко скомандовал Вильгельму:

– Сбрасывайте флаг!

И одновременно с ним я сбросил русский флаг, притороченный к фюзеляжу справа от меня. На флагах сверху был укреплен парашют, а снизу грузик, потому они развернулись, и красиво развеваясь, стали опускаться. Народ на поле взвыл так, что было слышно даже здесь, на высоте триста метров, сквозь пыхтение двух паровых машин.

– Как ощущения, Вильгельм?

– Я чувствую себя триумфатором!

Я начал набирать высоту, Можайский и Иванов разошлись в стороны. Непосредственно над полем нарезал круги Степанов.

– А теперь посмотрите на самолёт Степанова!

За самолётом Степанова развернулся транспарант с надписью по-русски и по-немецки: «Приветствуем ЕИВ кайзера Германии и всех немцев!»

Снизу опять донёсся восторженный рёв. Ну, всё, программу откатали, пора на посадку. По утверждённому плану возвращаться мы должны в обратном порядке и поодиночке, чтобы даже теоретически не допустить столкновений. Первым без проблем приземлился Иванов, за ним Степанов, перед самой посадкой отцепивший транспарант, а вот у Можайского, когда он направил самолёт вниз, заклинило правый пропеллер. Самолёт начало разворачивать, но Алек-

сандр Фёдорович отключил левый винт, выправил самолёт и удачно приземлился. Последними опустились на поле мы с Вильгельмом. Выбравшись из кабин, ещё не отошедшие от волнения, мы выстроились перед ложей императора. Вильгельм I произнёс прочувствованную речь о русско-германской дружбе и о развитии техники, и на нас пролился дождь наград: мне и принцу пожаловали Орден Короны первого класса, Можайскому – третьего класса, а Степанову, Иванову и Власьеву – четвёртого класса. Механикам вручили медали Ордена Короны. Насколько я понял, награды нам достались немалые, что говорило о важности нашего визита в глазах германского монарха.

Вечером был бал, который мне пропустить не пришлось, поскольку именно моё присутствие было строго обязательно. На балу я отметил на нескольких дамах шляпки а-ля пилотский шлем. Такая же шляпка была и на императрице Августе. Я подошел к ней и, поцеловав ручку, сообщил, что, вернувшись, домой я приложу все силы, чтобы создать самолёт, на котором императрица с комфортом освидетельствует свои владения с высоты птичьего полёта.

– Ах, Пётр, в моём возрасте трудно на что-то надеяться, но после полёта моего внука, из которого он вернулся невероятно окрылённым, я готова поверить, что вы устроите такое же приключение и для меня.

– Дайте мне год-два, и я выполню своё обещание, Ваше Величество!

– Дай Бог мне дожить до его выполнения, Питер. Но я почему-то уверена, что это случится. Но вам, наверное, скучно терять время в обществе немолодой дамы?

– Что вы, Ваше Величество! Хотите, я исполню для Вас несколько новых русских романсов?

– О, это было бы просто замечательно! Пойдёмте в Белую гостиную, там замечательная акустика и недурной рояль.

Императрица поднялась.

– Дорогой – сказала она, обращаясь к Вильгельму I – мы отправляемся музицировать, а Вы, когда наскучит здешний шум, присоединяйтесь. Хорошо?

– Непременно, дорогая. – улыбнулся император.

Я предложил императрице руку, и мы отправились. За нами увязалось несколько фрейлин за ними офицеры, в общем, в Белой гостиной половина стульев оказалась занята. Я уселся за роялем, предварительно удобно устроив императрицу на диванчике.

– Романс на стихи малороссийского поэта Гребёнки. «Очи чёрные»

И запел полный вариант романса, перемежая куплеты по-русски и по-немецки, благо Пётр мне переводил.

Счастья нет без вас, все отдать я рад
За один лишь ваш, за волшебный взгляд!
И бледнеет свет солнечных лучей
Пред сиянием дорогих очей.

И финальный аккорд. Императрица ударила в ладоши, публика её поддержала.

– Изумительный романс, Пётр. Не порадуете ли нас ещё одним?

– Разумеется. Композитор Петр Булахов, на слова Владимира Чуевского, «Гори, гори моя звезда».

И я снова запел, перемежая русский и немецкий текст. Следующим номером был романс Бориса Фомина и Константина Подревского «Дорогой длиною», а последним – «Подмосковные вечера» Василия Соловьёва-Седого на слова Михаила Матусовского.

– Пётр, напишите мне слова последней песни, и мы вместе её споём. Вы согласны? – попросила императрица.

Я тут же, на обороте открытки, лежавшей на рояле, написал текст по-немецки, и спустя несколько минут мы запели дуэтом.

– Превосходно! Давно я так не развлекалась! – заявила императрица.

– Вот когда я построю обещанный самолёт и привезу его Вам в подарок, мы снова с Вами споём. Обещайте мне это, Ваше величество!

– Ну, разумеется, Пётр! И Вилли нас поддержит своим баритоном, правда дорогой?

Германский кайзер улыбнулся и кивнул.

В Вене мы выступили без приключений, посетили приём, организованный в нашу честь в Венской ратуше, и отправились в Париж. Что-то было неладно в русско-австрийских отношениях: на выступлениях не было ни Франца-Иосифа, ни кого либо из наследников. Неважно! На полёты явилось около сорока тысяч человек, все сувениры были проданы, а австрияки демонстрировали к нам самую горячую любовь. Ну а мы, в свою очередь, демонстрировали в ответ свою приязнь и восторг. В Вене мы провели лотерею, четырёх победителей которой обещали покатасть на самолёте. Билет стоил самую мелкую монетку, но в результате было собрана фантастическая сумма, которую мы торжественно передали в благотворительный фонд, опекающий приюты. Победителей, как и обещали, покатали, и каждому вручили специально отпечатанный сертификат, заверенный нашими офицерами, принцем Вильгельмом и мною лично.

В Париже, видимо в пику австриякам, нас на Восточном вокзале встретил сам президент Франции Франсуа-Поль-Жюль Гриви с супругой. Впрочем, скорее это было изощрённое издевательство: нам пришлось выслушать длиннейшую речь, и это на удушающей жаре при полном безветрии.

– Вилли, я не злопамятный, но клянусь, что отомщу этому спесивому павлину, причём самым жестоким и бесчеловечным способом! – шепнул я германскому принцу, который держался изо всех сил пытаюсь не упасть в обморок.

Вильгельм оживился и даже попытался пошутить:

– И каким образом? Неужели застрелите его из пушки?

– Нет, мой друг! Я посажу этого негодяя в бочку с самым вонючим и плесневым французским сыром, добавлю туда столь любимых французами лягушек, сдобрю композицию устрицами и слизняками, и выставлю всё это на солнцепёк.

– Вы безмерно жестоки, мой друг. – тяжело вздохнул принц – Лягушек-то зачем мучать? Я всегда с большой симпатией относился к этим существам.

– Виноват. – покаялся я – Лягушек отставим, зато нальём в бочку кислоты, которую французы по своей природной глупости называют вином, и плеснём туда же абсента.

– Ещё неплохо бы запустить туда же с десятков ос, чтобы они жалили болтуна в язык...

– Ну, это уж совсем сладкие фантазии! – шепнул я, и мы чуть не расхохотались вслух.

Все на свете кончается, кончились и наши муки. Наш поезд отправился разгружаться, а мы с Вильгельмом поехали вместе с проклятым Гриви в Елисейский дворец.

Приём, организованный в нашу честь, оказался страшно скучным, к тому же, собираясь чествовать «отважных аэронавтов», французы забыли пригласить автора самолёта – адмирала Можайского и пилотов самолётов. Разумеется, такую промашку я спускать не собирался, и, общаясь с журналистами, сообщил им забавный анекдот: дескать, в России есть поговорка: «Наказание невиновных и награждение неучаствующих», а в демократической Франции видимо есть традиция чествовать, ориентируясь исключительно на родовитость. Утренние газеты запестрели фельетонами на эту тему, а французский президент, обидевшись, не явился на публичные полёты. Зато набежал почти весь их парламент в полном составе, и какой-то хлыщ всё-таки вручил нам ордена Почётного Легиона. Причём наградили не только нас с Вильгельмом и пилотов, но и всех механиков. По той же причине летали мы не на окраине Парижа,

а на Елисейских полях, куда нас перебазировали той же ночью. Неладно что-то во французской республике, если ради мелких внутренних политических козней организуется грандиозный международный скандал в базарном стиле.

Ну да бог с ними, с французами, отлетали мы отлично, а Иванов со Степановым даже совершили что-то вроде фигуры пилотажа: стали выписывать круги на встречных курсах, на высоте около трёх метров друг над другом. С земли казалось, что они вот-вот столкнутся, но оба самолёта благополучно приземлились. Толпы французов прорвали оцепление и бросились качать пилотов – нашим гвардейцам и французским жандармам еле удалось отбить несчастных.

А из Парижа мы отправились в Дувр, чтобы сразу и надолго задать планку сверхдальних перелётов: Иванов со Степановым совершили парный перелёт через пролив. Надо отдать должное организаторам с французской и английской стороны, обеспечивших и отличные взлётно-посадочные полосы, и правопорядок на лётных полях. Безупречно было организовано и морское обеспечение перелёта: миноносцы, пароходы, яхты и катера стояли на расстоянии не более километра друг от друга. Все они, конечно же, были набиты зрителями, решившими посмотреть на исторический полёт с моря. Иван Дмитриевич Сытин даже сделал себе на этом недурную рекламу: он договорился, чтобы переписали всех зрителей, пустившихся смотреть на полёт с воды, с их адресами, издал тираж открытки, посвящённой этому событию, и в специально отпечатанном конверте разослал адресатам. Фокус в том, что реклама типографии Сытина занимала на открытке и конверте чуть меньше половины площади.

Лондон и его обитатели встретили нас жарко. Тумана в Лондоне мы так и не увидели, а публика просто бесновалась. Хорошо, что английская полиция работает крайне профессионально и крайне жёстко: излишне резвых быстренько похватили, попутно своротив несколько челюстей и выбив кучу зубов, набили несколько тюремных карет пойманными нарушителями порядка, а остальные англичане, глядя на это, резко присмирели: всё-таки покорность власти там вколачивается не одну сотню лет. Приняли нас на самом высшем уровне: королева Виктория, наследники, блестящие придворные. Нам сообщили, что королева ради нас, впервые за несколько лет появилась на публике. Что-то будет. И непременно что-то гадостное – ну не могут англичане так радостно чествовать иностранцев, сделавших что-то хорошее быстрее их. А что если попытаются унижить при помощи награды, почётной на первый взгляд, но неприемлемой для русских? Нас уже выстроили перед тронем, когда я шепнул на ухо дворцовому халдею в роскошном мундире:

– Любезнейший, если ваша королева вздумает всучить мне или моим друзьям Крест Виктории¹, то я брошу его на пол. Всё ясно?

Халдей испарился, как будто ему навесили ракетные ускорители. Спустя полминуты к королеве, начавшей произносить речь, приставным шагом приблизился некто крайне высокопоставленный, и что-то шепнул ей на ухо. Королева, надо оценить её выдержку, не прерывая речи и не стерев с лица приветливую улыбку, сделала какой-то жест левой рукой. На заднем плане возникла суета: халдей с подносом в руках, пятась, удалился, и спустя ещё две минуты появился другой, с таким же подносом. Всё это время Виктория говорила о величии покорителей воздушного океана и о радости, которую она испытывает при виде нас, причём без запинок и повторов. Я был просто восхищён выдержкой и артистизмом королевы! Но также запретил себе что-либо есть или пить на приёмах в Англии. Во избежание, так сказать. Питался я исключительно их рук Андрея, который и готовил на себя и на меня.

¹ Крест Виктории – высшая военная награда Великобритании, учреждена 29 января 1856 года королевой Викторией, в честь победы в Крымской войне. Говорили, что ордена изготовлялись из бронзы русских пушек, захваченных в Севастополе. То есть, унижительная для русского награда.

В Питер мы прибыли по воде. Пароход причалил у Сенатской набережной, и первое, что я увидел, было, море людей, заполонивших Сенатскую площадь и набережные. Встретили нас восторженно, как в далёком будущем встречали челюскинцев и космонавтов. Я, грешным делом, расчувствовался до слёз: какие всё-таки у нас душевные люди!

А потом начались суровые будни.

Для начала выяснилось, что пока меня не было, некие мутные личности, во главе в великим князем Константином Николаевичем попытались осуществить рейдерский захват оказавшегося таким прибыльным бизнеса. Попытка была плохо организованной: ну не учли наши враги одной мелочи: все исследования нашей комиссии велись на мои личные (на что можно плюнуть) и на личные императорские (что невозможно проигнорировать) деньги. Великого князя Константина Николаевича Александр II поимел публично и в самой извращённой форме, да так, что бедняга срочно заболел и умчался лечиться на воды. Так что некоторое время можно быть спокойным, а на будущее – готовиться к нелёгким боям за собственность.

Первое производственное совещание я провёл с мотористами в Инженерном замке. Генерал-лейтенант Паукер подготовился к совещанию очень тщательно: во внутреннем дворе замка он представил два работающих двигателя, и ещё два – в процессе разработки.

– Ну-ка, ну-ка! – бросился я к копии ковровского движка – и как, работает?

– Вполне работает, хотя и не без трудностей.

– И каковы трудности?

– Во-первых, очень быстро выходят из строя поршневые кольца. Во-вторых, сильно греются и быстро выходят из строя подшипники в коробке передач. У Вас, Ваше Императорское высочество, нет ли идей, как обойти эти трудности?

– Герман Егорович, пожалуйста обойдёмся на совещаниях без чинов. Зовите меня по имени-отчеству. Господа, это всех касается. Что до трудностей, то я слышал, что на кольца хорошо подойдёт оружейная сталь, и если я помню верно, то именно та, что идёт на изготовление белого оружия. Что касается подшипников, то прошу попробовать различные варианты сплавов в подшипниках скольжения, а не поможет – то могу предположить, что тут требуются подшипники качения, а точнее – шариковые подшипники. Понимаю, что наша держава ещё не готова их производить, поэтому предлагаю обдумать и внедрить роликовые подшипники. Попробуйте сделать их двух видов: с прямыми и конусными роликами. И раз уж заговорили об этом, объявляю премию в пятьдесят тысяч рублей тому, кто предложит проект оборудования, возможно целой технологической линии для шарикоподшипникового завода. Требования: завод должен быть построен в России, русскими. Работать на нём будут русские инженеры и рабочие. На сырьё это требование не распространяется, так как цена сырья в цене конечного продукта будет невелика. Прошу, Герман Егорович, продолжайте рассказ.

– Итак, Пётр Николаевич, первый двигатель сделан на основе и с полным соблюдением размерности модели, представленной Вами. Детали для него мы изготовили в основном на Обуховском заводе. Некоторую часть деталей изготовили у себя в мастерских. Например, нам удалось отлить из бронзы корпус карбюратора, и при необходимости, мы можем выделять их массово.

– Великолепно! Какова мощность и каков ресурс вашего двигателя?

– Мощность пять лошадиных сил, и мы надеемся её увеличить за счёт кое-каких усовершенствований. Ресурс пока невелик, не более сорока часов.

– Хм... А Вы знаете, господа, это вовсе неплохой результат, учитывая, что работы только начались, и длятся всего-то три месяца!

Лица присутствующих офицеров и юнкеров просияли.

– Давайте посмотрим на него в работе. – предложил я.

Рослый юнкер подкачал бензина и нажал на кик-стартер.

– Прекрасно! Завёлся с первого раза. Ну что же, пора проектировать экипаж под этот мотор. Но для начала приспособьте к двигателю винт, и установите на лодку. Пришло время налаживать серийное производство, а пока покажем в высочайшем присутствии.

– Пётр Николаевич, представляю Вам второй двигатель. Он являет собой увеличенную копию вашей модели, и соответственно, обладает большей мощностью. Пока мы достигли рубежа в двенадцать лошадиных сил.

– Отлично! На днях я снова буду у вас, и привезу с собой модель экипажей, на которые мы с вами установим эти двигатели. Что дальше?

– Вот этот двигатель мы решили делать четырёхтактным, поскольку таковая схема при несколько большей сложности, даёт немалую экономию топлива и масла, а также обладает значительно большим ресурсом.

– Превосходно! А почему вы делаете все двигатели одноцилиндровыми? Насколько я понял, вы вполне можете взяться за более сложную схему?

– Хм... Видите ли, Пётр Николаевич, двигатели не являются профильными для нашего учебного заведения. – пустился в объяснения Паукер – Группа, которая работает с ними, как видите, мала. Мы рассудили за благо как можно качественнее сделать порученную работу, чтобы в будущем, так сказать, расширить горизонт проектирования. К тому же, в набросках и эскизах у нас кое-что есть.

Я осмотрел представленные чертежи. В наличии имелись: двухцилиндровый оппозитный двигатель воздушного охлаждения, похожий на двигатель «Днепра», четырёхцилиндровый двигатель водяного охлаждения и четырёхцилиндровая звезда.

– Изрядно, Герман Егорович, изрядно. Прошу Вас разрабатывать эти двигатели как можно скорее. Полагаю, что в течение года-двух у нас будет моторостроительный завод, и поможет нам в этом принц Вильгельм, имеющий большое влияние на немецких промышленников. Единственное замечание: мне кажется, что звездообразный двигатель обязательно должен иметь нечётное количество цилиндров. Прошу проверить это предположение, и вынести своё суждение.

– Вы упомянули о возможности установки винта на двигатель, с тем, чтобы установить его на лодку. Как срочно нужно сделать эту работу?

– А здесь давайте подумаем вместе, господа. Мне кажется, что представить моторную лодку нужно как результат удачной работы вашей группы. Целью такая демонстрация должна иметь расширение вашей работы, как в практическом, так и в теоретическом аспекте. Согласитесь, гораздо легче организовать такие работы в рамках факультета при Инженерной Академии, не так ли? Но создание факультета вещь непростая, проект надо согласовать в первую очередь с руководством Академии, а затем – в Военном ведомстве.

– А мне кажется, Пётр Николаевич, что ещё лучше будет представить на Высочайший смотр не только моторную лодку, но и моторный экипаж.

– Но тогда заодно может быть стоит довести до рабочего состояния звездообразный мотор о пяти или семи цилиндрах и продемонстрировать их разом?

– Может и стоит, но опыт подсказывает мне, что новейшие моторы следует демонстрировать поодиночке. Вот сначала один мотор на лодке и экипаже, а потом остальное. – заявил генерал Паукер.

– Да, Герман Егорович, соглашусь с Вашим мудрым мнением, поступим именно так. Прошу вас изготовить ещё четыре мотора: два с винтами для лодки и два для экипажа. Модель экипажа я вам представлю. Да, запомнил и не спросил: какой завод Вы выбрали по результатам освидетельствования?

– Считаю, что Обуховский завод нам подходит больше.

– И последнее: Герман Егорович, прошу Вас выдать участникам разработки новых двигателей премии в размере от двадцати до ста рублей. Особенной отметки должны быть удостоены те, кто выдвигал свежие идеи.

– С удовольствием сделаю это, Пётр Николаевич.

И я уехал. Примерно такой же разговор получился с химиками, разве что успехи у них оказались не столь выпуклы: химия не терпит торопливых.

После совещания я попросил остаться профессора Меншуткина и озадачил новой проблемой:

– Николай Александрович, я припомнил названия химических веществ, и хочу попросить Вас, как знающего человека, попытаться синтезировать эти вещества.

– Что это за вещества?

– Тринитротолуол, который является чрезвычайно мощной взрывчаткой. Точной формулой я не располагаю, но насколько я понимаю, химику должно быть понятно по названию?

– Я знаю об этом веществе, немецкий химик Юлиус Вильбранд опубликовал результаты своего исследования.

– Прекрасно. Необходимо разработать технологию промышленной выделки тринитротолуола. Соберите группу, помещение, оборудование и реактивы я вам предоставлю по вашим заявкам.

– Какое ещё вещество?

– Сульфаниламиды. Насколько я понимаю, это группа веществ. Эти вещества обладают чрезвычайно мощным антибактериальным действием. Есть вероятность, что с их помощью можно будет лечить даже чахотку.

– Записал. Каковы планы на эти вещества?

– Прошу вас организовать группу, может даже не одну, для скорейшего синтеза, а затем для промышленной выделки этих препаратов. Если вы озаботитесь ещё и проектированием промышленных реакторов для заводов, буду просто счастлив.

– Больше ничего не припомнили?

– Благодарю за напоминание. Вспомнилась ещё ацетилсалициловая кислота. Это прекрасное жаропонижающее средство. Её мы тоже должны производить в промышленных масштабах.

– Это название я тоже записал. Список и состав групп, план исследований и смету расходов представлю Вам в понедельник.

Ближайшей задачей я поставил себе строительство моторного завода и завода самоходных экипажей, под которыми понимаю автомобили, мотоциклы и тракторы. Особенно меня интересуют тракторы: на первых порах нужны совсем уж примитивные, что-то вроде «Фордзуна-Путиловца», с которого началось тракторостроение в нашей стране. Единственное преимущество таких тракторов именно в том, что они примитивные. Это площадка, на которой будут набираться квалификации рабочие на заводах, солдаты в армии и крестьяне в поле.

Но прежде всего требуется убедить Его императорское величество в необходимости таких машин. Задача облегчается тем, что император видел в реальной боевой обстановке локомотивы, которые были в Русской армии во время Балканской войны. Как рассказывал Паукер, локомотивы перевезли огромное количество военных грузов, при том, что самих локомотивов было совсем немного. В мою пользу так же говорит опыт Европы и Америки, где локомотивы используют чрезвычайно широко: и в транспорте, и в сельском хозяйстве, и в качестве полустационарных силовых установок. Двигатель внутреннего сгорания гораздо мощнее, компактнее, и что немаловажно, безопаснее: взрывы котлов паровых машин сейчас не редкость. Что поделаешь: металлургия и технология пока сильно отстают от быстрого развития конструк-

ций. Вот и двигатели внутреннего сгорания первое время будут значительно тяжелее движков из будущего. Но это не страшно: на то они и первые, чтобы выявлять имеющиеся недостатки и освещать перспективы.

Так и завихрилась круговерть дел. Химики медленно, но верно нащупывали пути к синтезу нужных веществ, двигателисты доводили до приемлемого уровня моторы. Две отдельные группы проектировали мотоцикл в трёх вариантах: двух, трёх и четырехколесном, да под двигатели разной мощности. А в школе, организованной при Обуховском заводе, обучалось пятьсот мужиков, которым в скором времени предстояло стать слесарями, станочниками, и прочими рабочими нашего первого завода, строящегося неподалёку от Обуховского. Сразу же для персонала завода строились жилые здания, школа, две больницы и ремесленное училище. Отдельно строились дома для инженерно-технического состава. Деньги текли как вода сквозь пальцы, расходы уже превысили сто пятьдесят тысяч рублей, и это ещё при том, что станочный парк мы ещё не заказывали.

Император не начал коситься на такие траты, потому что ему был представлен чёткий план мероприятий, как по расходам, так и по срокам исполнения. Впрочем, по некоторым направлениям расходы превысили расчётные на пять-семь процентов, но это нормальная ситуация для любого строительства и для любого крупного проекта.

В разгар суеты, в феврале, на личном поезде прибыл принц Вильгельм, пожелавший посетить меня, своего друга. Официальная часть с посещением августейших родственников прошла быстро: всё-таки Вильгельм явился с неформальным визитом, и вот мы сидим в моём кабинете, за коньяком и сигарами.

– Питер, как продвинулись Ваши дела в части авиации?

– Здесь всё обстоит прекрасно, дорогой Вильгельм. Группа двигателистов в Инженерной академии разрабатывает мотор нового типа для самолёта, и дело дошло уже до пробных пусков. Одновременно, ещё одна группа разрабатывает самолёт под этот двигатель.

– И каковы его характеристики?

– Двигателя или самолёта? Впрочем, расскажу и об одном и о другом. Двигатель, при собственном весе в восемьдесят килограммов, должен развивать мощность в пятьдесят-шестьдесят лошадиных сил.

– Прекрасно! Это выходит, что по соотношению масса-мощность этот двигатель значительно превосходит паровой?

– Если быть занудно точным, то почти в четыре раза. Если, конечно, считать вместе с котлом.

– Просто великолепно! Но продолжайте, прошу Вас.

– Самолёт мы строим двухместный, с дублированным управлением. При этом он получается почти в три раза меньше, чем первый самолёт Можайского, на котором мы летали.

– Неужели такое возможно?

– Представьте себе, мой друг! Более того: самолёт кроме пилота и пассажира способен поднять ещё почти сорок килограммов груза или дополнительного топлива.

– Фантастика!

– Да-да, Вильгельм, и все это Вы увидите через два дня. Хочу Вас порадовать: кроме самолёта мы строим ещё несколько машин: мы намереваемся покорить все три стихии – воздух, воду и землю. Для воздушного океана строится самолёт, для воды – моторная лодка, а для земли мотоцикл. Так мы называли колёсные экипажи с бензиновыми двигателями.

– И с какой скоростью двигаются наземные экипажи?

– Мотоцикл мы сумели разогнать до скорости в пятьдесят километров в час.

– Невероятно! Мотоцикл мчится почти со скоростью самолёта!

– Пока максимальная скорость такова, но в дальнейшем будет и выше, когда создадим хорошую подвеску и разработаем новые виды протекторов для шин. Средняя скорость мотоциклов колеблется от пятнадцати до тридцати километров в час.

– А водный транспорт?

– Для начала мы взяли мотоциклетный двигатель, и установили его на небольшую лодку. Максимальная скорость, которую мы достигли, оказалась в тридцать километров в час. Средняя – пятнадцать-двадцать.

– Невероятно!

– И всё это, дорогой Вильгельм, Вы увидите завтра.

– Буду ждать с нетерпением. Однако, Пётр, у меня имеется несколько вопросов.

– Задавайте, и я отвечу со всей возможной откровенностью.

– Что Вы думаете о совместной разработке и производстве самолётов и мотоциклов?

– Это прекрасная идея, Вильгельм, и я всей душой выступаю за неё. Но! В этом деле есть несколько громадных сложностей, способных испортить всё.

– Какие это сложности?

– Англичане. У нас они ведут себя хоть в малейшей степени пристойно, у вас же они орудуют как в собственном кармане. Не обижайтесь, Вильгельм, но всё, что делается в Германии, тут же становится известно в Англии.

Вильгельм помрачнел. Он не был англофобом, не стал им даже после поражения в Первой Мировой войне, но англичане были ксенофобами уже сейчас. Они ненавидят всех кроме себя.

– Однако у Вас имеются какие-то мысли?

– Имеются, да. Я предлагаю перспективные исследования проводить у нас, так как мне удалось создать зачаток контрразведывательной службы и вычистить наиболее злостных болтунов. Вы не представляете, Вильгельм, как болтливы наши офицеры и учёные! Это просто эпидемия логореи какая-то!

– Логорея, это что?

– Это диарея, но идущая изо рта. Неостановимый поток словоизвержения.

Вильгельм совершенно неприлично захохотал, закинув голову и дрыгая ногами. Наконец он успокоился:

– Пётр, Вы невероятно наивный человек! Если Вы думаете, что эта беда коснулась лишь России, то совершенно неправы! Немцы болтают гораздо больше, уверяю Вас. Помнится, за время нашего с Вами путешествия, ваши люди рассказывали посторонним только то, что написано в рекламных проспектах, а мои разболтали все военные и государственные тайны, да и о семейных тайнах нашего двора поведали немало лишнего.

– Именно поэтому я и не хочу расширять круг посвящённых. Вильгельм, поймите, речь идёт даже не только о многомиллионных убытках России и Германии, но и о многомиллионных потерях наших людей, в случае если наши разработки англичане применят у себя, обворовав нас.

– Да, мой друг, тут Вы совершенно правы. Англичане орудуют у нас совершенно нагло и цинично, чему немало способствует англомания в обществе, особенно в высшем. Что там говорить, если мои родители...

Вильгельм с трудом оборвал себя. Что же, мне известны настроения родителей Вильгельма: они оба считали Англию центром мира, Градом На Холме. Готовясь к вступлению на престол Германской Империи, они думали в первую очередь об интересах и нуждах Англии и англичан, а вовсе не собственного государства и народа. Что же, у нас таких людей, особенно среди интеллигенции и аристократии тоже непозволительно много: всех этих англофилов, германофилов и франкофилов...

– У нас таких людей тоже очень много, Вильгельм. Просто я, как уже упомянул, создал службу безопасности из жандармов и полицейских, которым удаётся пока отсекал нелояльных людей.

– Жандармы... Я знаю, что в русском обществе этих господ не любят, это правда?

– Истинная правда. Но я несколько раз прилюдно объявил о бесчестности такого отношения к государственным служащим. У меня даже было несколько неприятных разговоров с несколькими гвардейскими офицерами, и дуэли не случилось лишь потому, что они побоялись последствий.

– Знаю этот неприятный тип людей. Наглые придворные шаркуны.

– Да. Среди боевых офицеров степень неприятия жандармов куда как ниже.

– Итак, Пётр, каков Ваш план?

– Я организую в России несколько бюро, которые будут заниматься разработкой и подготовкой к серийному производству моторов, приборов для самодвижущихся экипажей и самолётов, собственно самих экипажей и самолётов различного назначения. В этих бюро, в обстановке сохранения тайны будут работать как наши, так и ваши инженеры и учёные, а результаты их работы внедряются на русских и немецких предприятиях.

– Как бы предприниматели не начали продавать наши разработки! Корысть вещь интернациональная. – вздохнул Вильгельм.

– А тут я задам Вам вопрос, дорогой Вильгельм: скажите, а зачем мы будем отдавать новейшие разработки, созданные на государственные деньги, каким-то непонятым дельцам?

– Но позвольте, Пётр, меня учили, что частное предпринимательство гораздо эффективнее государственного планирования.

– А с чего бы это? Если брать мелкие мастерские или артели, то, скорее всего, так и есть. Но достаточно крупные предприятия, как правило, имеют наёмных директоров и наёмный управляющий персонал. Крупный капиталист, к примеру, ваш Крупп, лично управлением производством не занимается. Так кто мешает нам нанимать талантливого человека для управления отраслью, и ровно так же нанимать директоров и инженеров, как это делает Крупп? Согласитесь, в этом случае львиная доля доходов пойдёт не в карман Круппам, Тиссенам, Морозовым, Рябушинским и кому угодно ещё, а в казну. Не забываем о такой вещи, как конкуренция между капиталистами, отнимающая массу денег и ресурсов. Собственно, почему бы государству не нанять такого Крупа, пока он ещё молод, небогат и достаточно покладист?

– Да, с этой точки зрения государственное управление хозяйством выглядит много привлекательнее.

– Посмотрим ещё вот с какой стороны, Вильгельм: государственное предприятие, получающее комплектующие детали с другого государственного предприятия будет довольствоваться запланированной нормой прибыли, или вовсе поставлять эти детали в убыток, потому что всё равно получит сырьё, деньги на жалованье и оборудование взамен изношенного. И в результате стоимость товаров, произведённых на государственных предприятиях, выйдет много ниже, и, следовательно, победит конкурентов.

– Хм... Особенно, если две державы объединят свои усилия в этой работе. Согласен, Пётр, Вы меня убедили. По возвращению в Рейх я займусь организацией государственных заводов. Кайзер Вильгельм уже имел со мной беседу, и непременно поддержит меня.

– А Ваши родители?

– Невозможно бороться только со сменой времён года, мой друг. Всё остальное в области возможного. Но я хочу спросить, как Вы собираетесь поступить в том случае, если чиновники различных министерств и ведомств захотят забрать ваши детища в свои ведомства, а заполучив, непременно погубят?

– Здесь Вы, Вильгельм, безусловно правы. Беда казённых предприятий, как в России, так и в Рейхе именно в непрофессиональном управлении этими предприятиями. Заводами

и фабриками должны управлять специалисты в каждой конкретной отрасли. Инженеры, а не чиновники. Посему я собираюсь наряду с организацией Воздушного Флота создать и управление промышленности Воздушного Флота. Все предприятия Военно-Воздушного флота будут создаваться с нуля, поэтому ни у кого не будет легального повода претендовать на управление ими.

– Недурная мысль. Пожалуй, мне следует подумать над тем, как внедрить подобное в Рейхе.

– А чтобы разговор с Его величеством кайзером был более предметным, один из мотоциклов и один из лодочных моторов Вы повезёте с собой. Прошу пока об этом молчать, поскольку для посторонних, этот подарок должен быть сюрпризом. А новейший самолёт я в Берлин привезу сам, так как обещал Её Величеству.

На следующий день генерал Паукер со своими учениками в высочайшем присутствии проводил публичную демонстрацию своих двигателей внутреннего сгорания и экипажей, оснащённых этими двигателями.

Вдоль Дворцовой набережной, от Дворцового моста до Летнего сада была устроена полынья для моторной лодки. Лёд распилили пилами, и отдельные льдины баграми завели под кромку. Таким образом, вода в полынье была совершенно чистой. Полынью оградили столбиками, между которыми был натянута красная верёвка с синими флажками – это чтобы никто по неосторожности не рухнул в прорубь: сейчас по льду Невы свободно гуляют пешеходы и даже ездят извозчики на своих санях. Так им ближе, да и седокам быстрее.

За полыньёй, в трёхстах метрах, напротив Стрелки Васильевского острова, была рассчитана и накатана кольцевая дорога для демонстрации возможностей мотоциклов, а демонстрировать было что. По моим наброскам ребята генерала Паукера сотворили довольно любопытные машинки, опираясь на имеющиеся материалы. Начнём с того, что тонкостенных труб ещё никто не производит, и потому пришлось обходиться чуть ли не водопроводными трубами. Технологи Паукера что-то делали с ними для повышения прочности, но я пока не разобрался в деталях. Электросварку тоже ещё не изобрели, отчего рама была собрана на заклёпках. Двигатель одноцилиндровый, чугунный. Колёса со стальным ободом и спицами, с литой резиновой шиной и камерой. Очень высокотехнологичное получилось изделие: с кордом, проволоочной прокладкой по краям шины и прочими усовершенствованиями, вроде ниппелей и шипов. Амортизаторы пружинные. Правда, с пружинной сталью в этом времени беда: достойные пружины привезли из Англии, поскольку нигде ближе, того, что нужно не нашли. Сиденье кожаное, набитое конским волосом, тоже подпружинено, так что водителю довольно комфортно. Приборов никаких – спидометр уже изобретён, но до воплощения в металле ему ещё далеко. Фары нет: лампочку тоже изготовить никак не можем. Ну и по весу: если мой К-175, если ничего не путаю, был чуть больше центнера, то этот мотоцикл чуть меньше двухсот килограммов. Хотя... Для этого времени мы создали совершенно фантастическую машину, вполне готовую к массовому производству.

Мотоциклов мы сегодня представляли пять: все с одинаковыми двигателями, разница была в оформлении: двухколёсный, двухколёсный с коляской справа от водителя, трёхколёсный и четырёхколёсный, вроде квадроцикла, но с колёсами равными по диаметру колёсам остальных мотоциклов, так как колёса меньшего диаметра изготовить не успели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.